

И
Л

ИНОСТРАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ISSN 0130-6545

16+

2023

2

**РОМАН
РИКАРДО ПИГЛЬИ
"ПРОСВЕТ
В НОЧНОЙ
ТЕМНОТЕ"**

ИЗ КЛАССИКИ
XX ВЕКА:
ФРАГМЕНТ
РОМАНА
ГЕРТРУДЫ СТАЙН
"СТАНОВЛЕНИЕ
АМЕРИКАНЦЕВ:
ИСТОРИЯ
ОДНОЙ СЕМЬИ"

"ЛУННЫЙ КАМЕНЬ"
УИЛКИ КОЛЛИНЗА
В РУБРИКЕ
"ПЕРЕПЕРЕВОД"

[2]
2023

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

ИНОСТРАННАЯ И ЛИТЕРАТУРА

- 3 РИКАРДО ПИГЛЬЯ *Просвет в ночной темноте*. Роман. Перевод с испанского Ольги Кулагиной
- 139 ЛАУРА ЯНКУ *Стихи*. Перевод с венгерского и вступление Юрия Гусева
- 144 ФРЕДРИК ЛИНДСТРЁМ *Два рассказа*. Перевод со шведского и вступление Михаила Грачева
- Из классики XX века 153 ГЕРТРУДА СТАЙН *Становление американцев. История одной семьи*. Фрагмент романа. Перевод с английского и вступление Ольги Брагиной. Под редакцией Анастасии Хлопуновой
- Сказки нашего времени 164 ОЛЬГА ШАЙНПФЛЮГОВА *Сказки*. Перевод с чешского Александра Драгомирова
- Переперевод 183 УИЛКИ КОЛЛИНЗ *Лунный камень*. Фрагмент романа. Перевод с английского и вступление Александра Ливерганта
- Россия—Франция 243 ЖАН-НОЭЛЬ ЛИО *Эльза Триоле и Лиля Брик. Непокорные сестры*. Фрагменты книги. Перевод с французского Людмилы Пружанской
- 253 *“Россия буквально ворвалась в мою жизнь...”*
С Жан-Нозелем Лио беседует Людмила Пружанская. Перевод с французского Людмилы Пружанской
- Статьи, эссе 257 МАРИНА ЕФИМОВА *“Монументалисты” – военное подразделение искусствоведов*
- Трибуна переводчика 264 СЕРГЕЙ ФОМЕНКО *Борьба и бегство бесцветных. “An Asphodel” Аллена Гинзберга*
- 270 РОМАН ЭЙВАДИС *Бойцы невидимого фронта, или Знай, сверчок, свой шесток*. Несерьезный взгляд на серьезные проблемы
- Библиофил 281 *Среди книг* с Татьяной Набатниковой
- Авторы номера 283

Уилки Коллинз

Лунный камень

Фрагмент романа

Перевод с английского и вступление АЛЕКСАНДРА ЛИВЕРГАНТА

Своему переводу “Лунного камня” Уилки Коллинза (Москва, Гослитиздат, 1947) известная советская писательница Мариэтта Шагинян предпослала биографическую заметку, в которой, в частности, говорится: “В основу нашего перевода взят последний из них, вышедший в качестве приложения к журналу ‘Северное сияние’ в 90-х годах XIX века. Он был мною сличен с английским изданием ‘Лунного камня’ Таухница, являющимся точной копией первого лондонского издания 1868 года. В результате пришлось этот перевод в корне переработать и восстановить около 80 пропущенных мест...”

К этим восьмидесяти следует прибавить еще (не поленился сосчитать) сто двадцать пять, которые восстановил я, перепереводя теперь, спустя три четверти века, этот знаменитый роман.

Мариэтта Сергеевна, ничтоже сумняшеся, изымала из книги Коллинза не только отдельные слова, фразы, описания, диалоги, но даже целые главы, сюжетные линии и мотивы. Увлечение флористикой сыщика Каффа в переводе сохранилось, а вот его жаркие споры о мускусных розах с садовником (да и сам садовник) куда-то запропастились. А ведь многоопытный сыщик “без страха и упрека”, подверженный подобным мирным забавам, — важная примета целой галереи британских мастеров сысского дела. Вспомним увлечение Шерлока Холмса оперой, любовь вкусно поесть и красиво, со вкусом одеться Эркюля Пуаро, страсть к вязанию мисс Марпл и к странствиям патера Брауна. В результате подобного рода “усекновений” русская версия “Лунного камня” не только сильно “похудела”, не только существенно уступает по объему версии оригинальной, но в переводе Шагинян из многокрасочного викторианского романа превратилась в роман “однокрасочный”, сенсационный — чтение облегченное, подростковое.

“Таким образом, читателю предлагается, — пишет в той же заметке Шагинян, — уже новый перевод с сознательно сохраненной мной от прежнего лишь некоторой старомодностью синтаксиса, соответствующей английской речи 60-х годов прошлого века”.

Особой “старомодности” синтаксиса я, когда сличал ее перевод с моим, не заметил, а вот навязчивый буквализм, корявые, нескладные слова и фразы встречаются в переводе Шагинян, увы, нередко. Вот лишь немногие, почерпнутые из первых пятидесяти страниц шестисотстраничного романа.

“Миледи также обладает — крошечку, не более — фамильной горячностью”.

“Ваш отец не захотел бы дотронуться до полковника даже щипцами”.

“...полковник не поклонник той сдержанности, которой обычно подчиняются джентльмены”.

“...простил и всех других и принял назидательную кончину”.

“...последовал ли заговор за алмазом полковника в Англию?”

“Я боролся со встревоженным желудком — или духом, если хотите...”

“В своих странствиях по Индии полковник подцепил какое-нибудь дрянное стеклышко, которое принял за алмаз”.

“...находя некоторое удовольствие в показе своей собственной дальновидности”.

“Лунный камень” в переводе 1947 года — очередное свидетельство того, что перепереводить классику бывает нелишне. И не только за давностью лет.

Пролог

Штурм Серинганатама (1799)

Из семейного архива

1

ЭТИ написанные в Индии строки предназначены моим родственникам в Англии.

Хочу объяснить, по какой причине я отказался протянуть руку дружбы моему кузену Джону Хернкаслу. Члены моей семьи, чьим расположением я так дорожу, неверно истолковали ту сдержанность, с какой я отношусь к нему по сей день. И в этой связи я обращаюсь к ним с просьбой: не делайте окончательных выводов, покуда не прочтете мой рассказ до конца. Заявляю со всей ответственностью: все, что я сейчас собираюсь написать, — чистая правда от первого до последнего слова.

Размолвка между моим кузенком и мной произошла во время незабываемого исторического события, в котором нам

обоим довелось участвовать, — штурма Серингапатама, состоявшегося 4 мая 1799 года под началом генерала Бёрда.

Дабы прояснить читателю все обстоятельства этого события, ненадого отвлекусь от штурма как такового и расскажу о том, что говорилось в нашем лагере о драгоценных камнях и золотых слитках в серингапатамском дворце.

2

Одна из самых невероятных историй подобного рода связана с так называемым Желтым брильянтом, знаменитым драгоценным камнем, хранившимся в Индии с незапамятных времен.

Издавна считалось, что камень этот находится во лбу четырехрукого индийского бога Луны. Отчасти из-за своего причудливого цвета, отчасти согласно суеверию, будто на него оказало влияние божество, которое он собой украшал, и будто сверкает он больше или меньше в зависимости от того, восходит или заходит луна, — его называли (и в Индии называют по сей день) “Лунным камнем”. Схожее суеверие, как я слышал, существовало также в Древней Греции и Риме с той лишь разницей, что там, в отличие от Индии, речь шла не о брильянте на челе у бога, а о полупрозрачном, куда менее ценном камне, якобы находящемся под влиянием луны, которой, и в этом случае тоже, камень обязан своим названием. Известен он коллекционерам под этим названием по сей день.

Начинаются приключения Желтого брильянта в одиннадцатом веке нашей эры.

В этом столетии мусульманский завоеватель Махмуд Гизни вступил в Индию, захватил священный город Сомнатх и разорил знаменитый, существовавший много веков храм — усыпальницу индуистских богов и чудо Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, уцелел лишь бог Луны. Дождавшись ночи, три брамина вынесли из храма неоскверненное божество с Желтым брильянтом во лбу и доставили его в Бенарес, второй по значимости священный город в Индии.

Здесь, в новом капище, в чертоге, украшенном драгоценными камнями, под сводами, покоившимися на золотых колоннах, и был установлен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В этом храме, в ночь, когда строительство усыпальницы завершилось, трем браминам явился во сне Вишну-Зиждитель.

Вишну обдал брильянт у бога во лбу своим божественным дыханием, и брамины пали ниц и спрятали лица в складках

своей одежды. Зиждитель повелел, чтобы впредь Лунный камень денно и ночью, до конца света охранялся тремя жрецами, и брамины, услышав эти слова, поклонились ему в знак того, что подчиняются его воле. Вишну предрек, что того дерзновенного смертного, который посмеет завладеть священным камнем, а также всех его потомков, кому этот камень достанется после его смерти, ждет неминуемая кара. И брамины распорядились начертать это пророчество золотыми буквами на вратах святилища.

Один век следовал за другим, одно поколение сменялось другим, а наследники трех браминов продолжали днем и ночью охранять бесценный Лунный камень. С наступлением восемнадцатого века началось правление императора моголов Аурунзеба. По его приказу храмы, где поклоняются Брахме, подверглись опустошению и разграблению. Усыпальница четырехрукого бога была осквернена кровью священнослужителей, изваяния божеств были разбиты, и Лунным камнем завладел военачальник из армии Аурунзеба.

Отобрать украденное сокровище силой три жреца-хранителя были не в состоянии, и им оставалось лишь, переодевшись, следовать за камнем и в тайне за ним следить. Шли годы, воин, который совершил святотатство, бесславно кончил свои дни, Лунный камень переходил (вместе со своим проклятием) от одного незаконного мусульманина к другому, а преемники трех жрецов-хранителей продолжали вести за камнем наблюдение в ожидании того дня, когда, по воле Вишну-Зиждителя, они вновь обретут свой священный брильянт. Восемнадцатый век меж тем подходил к концу, брильянтом овладел Типпу, султан Серингопатама, который приказал украсить им рукоятку своего кинжала, а кинжал поместить вместе с самым ценным оружием у себя во дворце, в оружейной палате. Но и тогда хранители Лунного камня каким-то чудом проникли во дворец султана и продолжали тайно охранять камень. Среди придворных, особо приближенных к султану, было трое никому не ведомых воинов-чужеземцев, доверие своего повелителя они заслужили преданностью (истинной или ложной) исламской вере; они-то и были переодетыми жрецами, которым Вишну доверил Лунный камень.

3

Такова была фантастическая история Лунного камня, ходившая в нашем лагере. Ни на кого из нас история эта особого впечатления не произвела, если не считать моего кузена, он любил чудеса и поверил в Лунный камень. В ночь перед штур-

мом Серингапатама он ужасно разозлился на меня и на других офицеров за то, что нам эта история показалась выдумкой от начала до конца. Возникла дурацкая ссора, и неуравновешенный Хернкасл, выйдя из себя, с присущим ему хвастовством заявил, что, если английская армия захватит Серингапатам, Желтый брильянт будет у него на пальце. Выходка Хернкасла вызвала громкий смех; тем дело и кончилось.

А теперь перенесемся в день штурма.

Мы с моим кузеном с самого начала участвовали во взятии города в разных местах: не видел я его и когда мы переправлялись через реку, и когда, прорвав первую линию обороны, водрузили английский флаг, и когда прыгали через ров, и когда, отчаянно сражаясь, ворвались в город. И только в сумерках, когда город пал и генерал Бёрд обнаружил под горой трупов тело Типпу, мы с Хернкаслом наконец встретились.

Мы оба входили в отряд, которому генерал приказал остановить грабеж и беспорядки, начавшиеся сразу после взятия города. Вольнонаемные предавались бесчинствам; мало того, через неохраняемую дверь солдаты ворвались в сокровищницу дворца и принялись присваивать себе золото и драгоценности. Встретившись во дворе перед входом во дворец, мы с кузеном призвали их к дисциплине. Хернкасл, отличавшийся буйным нравом, пришел в неистовство от того, какие ужасы творились у нас на глазах. На мой взгляд, для выполнения отданного ему приказа он был совершенно непригоден.

В сокровищнице царила полная неразбериха, однако насилия не было — я, во всяком случае, его не видел. Солдаты, если можно так выразиться, бесчестили себя добродушно, обмениваясь шуточками и ругательствами. Тогда-то, совершенно неожиданно, и вспомнили о Желтом брильянте, грабеж сопровождался дьявольской шуткой: “А ну-ка, признавайся, у тебя Лунный камень?” Шутка эта разносилась по всему помещению, ее выкрикивали одни и подхватывали другие. Я тщетно пытался восстановить порядок, и тут вдруг со двора донесся жуткий вопль. Я устремился туда в ужасе оттого, что грабеж начался и там тоже.

Подбежав к распахнутой, ведущей во дворец двери, я увидел тела двух мертвых индусов (офицеров охраны, судя по их платью), лежавших на пороге.

В это самое время из комнаты, которая, по всей видимости, служила оружейной, раздался крик, и я поспешил туда. Третий индус — как видно, смертельно раненный — сползал к ногам человека, стоявшего ко мне спиной. Стоило мне войти, как человек этот обернулся, и я увидел Джона Хернкасла с факелом в одной руке и окровавленным кинжалом в другой.

При свете факела драгоценный камень, вделанный в рукоятку кинжала и издали похожий на эфес шпаги, переливался всеми цветами радуги. Умирающий опустился на колени, указал на кинжал в руке Хернкасла и на местном наречии прохрипел: “Лунный камень отомстит и тебе, и твоим потомкам!” И с этими словами замертво рухнул на пол.

Не успел я сообразить, что произошло, как солдаты, которые следовали за мной, толпой ворвались в оружейную, и мой кузен, точно сумасшедший, со всех ног бросился им навстречу. “Очисти помещение! — закричал он мне. — И поставь у входа караул!” Хернкасл кинулся на солдат с факелом и кинжалом, и солдаты попятились к выходу. Я поставил у входа двух надежных часовых из своей роты. Больше в тот вечер я Хернкасла не видел.

Рано утром, когда грабеж еще продолжался, генерал Бёрд под бой барабанов объявил, что любой грабитель, кем бы он ни был, будет повешен, если его застанут на месте преступления. Присутствие при этом объявлении начальника военной полиции свидетельствовало, что генерал не шутит. И здесь, среди собравшихся солдат и офицеров, мы с кузеном встретились вновь.

Он, как обычно, протянул мне руку и сказал: “Доброе утро”. Я пожал ему руку в ответ — правда, не сразу.

— Расскажи мне, — сказал я, — как индус в оружейной палате встретил свою смерть и что означали его последние слова, когда он указал рукой на кинжал, который ты держал в руке?

— Думаю, индус умер от смертельной раны, — ответил Хернкасл. — Что же до его последних слов, то их смысл мне понятен ничуть не больше, чем тебе.

Я пристально посмотрел на него. От ярости, овладевшей им накануне, не осталось и следа. Я решил дать ему еще один, последний шанс.

— Тебе больше нечего мне сказать? — спросил я.

— Нечего, — ответил он.

Я повернулся к нему спиной, и с того дня больше мы с ним не говорили ни разу.

4

Прошу понять меня правильно: то, что я пишу о моем кузене (если только не возникнет необходимость предать эту историю гласности), предназначается исключительно для членов его семьи. Хернкасл не сказал ничего такого, о чем следовало бы доложить вышестоящему офицеру. Те, кто помнили его злобный выпад в ночь перед штурмом, не раз потом высмеи-

вали его желание овладеть Желтым брильянтом. Однако не трудно предположить, что, помятуя о нашей неожиданной встрече в оружейной палате, он к этой теме возвращаться не станет. До меня дошли слухи, что он собирался перевестись в другой полк — надо думать, чтобы быть от меня подальше.

Как бы то ни было, позволить себе в чем-то его обвинять я не могу — и вот по какой причине. Против него у меня нет никаких улик: все мои обвинения основываются исключительно на внутренней убежденности. У меня не только не было доказательств, что это он убил двух индусов у входа в оружейную палату; не поручусь, что убийство третьего, находившегося внутри, также его рук дело. Собственными глазами я не видел, кто это убийство совершил. Верно, я слышал, что говорил смертельно раненный индус, но ведь это мог быть бред умирающего — откуда мне знать, что в его словах был смысл? Пусть наши с Хернкаслем родственники с той и другой стороны составят свое собственное мнение о моем рассказе и сами решат, оправдана моя антипатия к этому человеку или нет.

Хотя сам я не слишком верю в фантастическую индийскую легенду о Желтом брильянте, должен в заключение сказать, что и я не свободен от некоторого предрассудка, связанного с этой историей. Я разделяю убеждение (можете назвать это заблуждением), что всякое преступление не остается безнаказанным. Я не только убежден в виновности Хернкасла; мне достанет фантазии поверить, что он еще пожалеет о содеянном, если не расстанется с брильянтом. Верю, что, если он отдаст брильянт, те, кому Лунный камень достанется, пожалеют об этом не меньше, чем он сам.

Часть первая

Глава I

Пропажа брильянта (1848)

*Рассказывает Гэбриэл Беттередж,
дворецкий леди Джулии Вериндер*

1

В первой части “Робинзона Крузо”, на странице 129, вы прочтете следующее: “Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам”.

Не далее как вчера я раскрыл “Робинзона Крузо” на этом месте. А сегодня утром (21 мая 1850 года) ко мне явился племянник миледи, мистер Франклин Блейк, и вот что он мне сказал:

— Беттередж, — сказал мистер Франклин, — я был у юриста по поводу своих семейных дел, и разговор у нас зашел о том, что два года назад из дома моей тети в Йоркшире пропал индийский брильянт. Мистер Брафф и я полагаем, что историю пропажи брильянта следовало бы в интересах истины записать, и чем раньше, тем лучше.

Хоть я и не понимал, куда он клонит, однако же придерживался того мнения, что ради мира и спокойствия всегда лучше быть на стороне юриста, а потому с мистером Франклином согласился.

— Как вам известно, — продолжал он, — в пропаже брильянта заподозрены невинные люди, и память о них пострадает, если не останется фактов, к которым смогут прибегнуть те, кому предстоит жить после нас. Я ни минуты не сомневаюсь: эту нашу странную семейную историю следует обязательно придать гласности, и мы с мистером Браффом придумали, как это сделать.

Что ж, раз так, за них можно только порадоваться, подумал я, но взять в толк, какое отношение вся эта история имеет ко мне, я покамест не мог.

— Мы должны изложить известные события, — сказал мистер Франклин, — и найдутся люди, которые к этим событиям причастны и которым есть, что по этому поводу сообщить. Нам всем следует поочередно рассказать историю Лунного камня, строго придерживаясь фактов и полагаясь только на то, что известно каждому из нас. Начать мы должны с того, каким образом брильянт попал в руки моему дяде Хернкаслу, когда тот полвека назад служил в Индии. Рассказ этот у меня имеется, эта старая семейная хроника, записанная очевидцем, который излагает все наиболее значимые подробности случившегося. Далее надо будет рассказать, как брильянт два года назад оказался в доме моей йоркширской тетки и как он спустя всего двенадцать часов оттуда исчез. Лучше вас, Беттередж, никто не знает, что произошло. А потому возьмите в руки перо и запишите все, что знаете.

Вот каким образом меня известили о том, что мне надлежит сделать. Если вам любопытно, как я повел себя в этих обстоятельствах, то готов сообщить: я сделал то, что, может статься, сделали бы на моем месте и вы. А именно, с присущей мне скромностью заявил, что подобная задача мне не под силу, — сам же подумал, что, если б только мне дали шанс, я

бы вполне с этой задачей справился. Мистер Франклин, надо полагать, прочитал мои мысли, ибо посоветовал мне не скромничать и поскорей сесть за работу.

Не успел мистер Франклин скрыться за дверью, как я направился к своему письменному столу, — и вот после его ухода прошло уже два часа, а я по-прежнему (несмотря на свои недюжинные способности) сижу перед чистым листом бумаги и думаю о том, как же прав был Робинзон Крузо, когда говорил, сколь безрассудно браться за дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по силам ли оно тебе. Обратите внимание, ведь я совершенно случайно открыл книгу на том самом месте. И когда?! Накануне того самого дня, когда я столь опрометчиво согласился взяться за изложение фактов. Как, пожалуйста спросить, не верить после этого в пророчества?

Нет, я не суеверен. За свою жизнь я прочел целую гору книг; ученый муж — одно слово. Хотя мне уже исполнилось семьдесят, память у меня — хоть куда, да и ноги ничуть не хуже. А потому не сочтите меня невеждой, если я скажу, что другой такой книги, как “Робинзон Крузо”, никогда не было и не будет. Уже много лет я, покуривая трубку, читаю и перечитываю “Робинзона”, который в трудную минуту всегда был мне преданным другом. Когда хандрю — раскрываю “Робинзона Крузо”. Когда нужен совет — обращаюсь за советом к “Робинзону Крузо”. И в прошлом, когда докучала жена, да и теперь, если выпью лишнего, “Робинзон” — моя надежда и опора. За время долгой и безупречной службы я истрепал шесть новеньких, только что из печати, “Робинзонов”. Седьмой мне подарила на свой день рождения миледи. Тогда я выпил лишнего за ее здоровье, и “Робинзон Крузо” вернул меня к жизни. Четыре шиллинга и шесть пенсов, синий переплет, да еще картинка на обложке.

Все это, впрочем, никакого отношения к Лунному камню не имеет, так ведь? Брожу вокруг да около, а с чего начать, понятия не имею. Возьму-ка я с вашего позволения чистый лист бумаги и с моим нижайшим почтением начну все сначала.

2

О миледи речь зашла несколькими строками выше. Так вот, пропавший брильянт никогда бы не оказался в нашем доме, если бы его не подарили дочери миледи, а дочь миледи никогда не получила бы Лунный камень в подарок, если бы миледи (в страданиях и муках) не произвела ее в свое время на свет. Стало быть, если мы начнем с миледи, то начнем издалека, а это в таком деле, как мое, поверьте, немалое утешение. Особенно в начале работы

Если вы причастны к высшему свету, то не могли не слышать о трех очаровательных мисс Хернкасл — мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии, младшей из трех сестер и, на мой взгляд, самой из них лучшей. О чем, как вы сейчас убедитесь, я в полном праве судить. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (по счастью, к брильянту он никакого отношения не имеет; ни в высшем, ни в низшем сословии не приходилось мне встречать джентльмена с таким длинным языком и крутым нравом); так вот, когда мне было всего пятнадцать лет, я поступил в услужение к старому лорду в качестве пажа при трех его наидостойнейших дочерях. В их доме я прожил до тех пор, пока мисс Джулия не вышла замуж за ныне покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный человек был этот сэр Джон, вот только очень уж несамостоятельный, ему нужен был советчик, кто-то, кто бы им руководил, и такой человек, между нами говоря, нашелся. От венчания до могилы сэр Джон благоденствовал, жил счастливо, пока его супруга не приняла его последний вздох и не закрыла ему навсегда глаза.

Забыл упомянуть, что вместе с новобрачной переселился в поместье ее мужа и я. “Сэр Джон, — заявила супругу миледи, — без Гэбриэла Беттереджа мне не обойтись”. — “Дорогая, — ответил сэр Джон, который никогда жене не перечил, — и мне тоже”. Вот как я попал к нему в услужение. Мне было все равно где жить — лишь бы не расставаться с моей госпожой.

Видя, что миледи проявляет интерес к хозяйству, к работам на ферме и прочим подобным вещам, я стал тоже всем этим интересоваться — тем более что сам я был седьмым ребенком мелкого фермера. Миледи отдала меня в помощники к управляющему, я старался изо всех сил, заслужил похвалу и был повышен в должности. Несколько лет спустя — кажется, это был понедельник — миссис Вериндер сказала мужу: “Сэр Джон, ваш управляющий глуп и стар. Дайте ему хорошую пенсию, а управляющим назначьте Гэбриэла Беттереджа”. — “Дорогая, старый управляющий получил хорошую пенсию, — ответил жене (кажется, это был вторник) сэр Джон, — а на его место назначен Гэбриэл Беттередж”. Вы ведь часто слышите о несчастливых браках. Так вот, этот брак был исключением из правил. Пусть же это послужит предостережением одним и поощрением другим. Продолжу между тем свой рассказ.

Зажил я — лучше не бывает. Я пользовался доверием и почетом, жил в собственном небольшом коттедже, по утрам объезжал поместье, днем составлял отчеты, а вечером курил трубку и почитывал “Робинзона Крузо”. В самом деле, чего еще желать? Вспомните, однако, чего не хватало Адаму, когда он в

одиночестве жил в райском саду, и, если вы не осуждаете Адама, не осуждайте и меня.

Мне приглянулась женщина, которая вела хозяйство в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. Я согласен с покойным Уильямом Коббетом¹, который говорил, что будущая жена должна хорошо разжевывать пищу и твердо стоять на ногах. Такая женщина, говорил он, будет вам надежной спутницей жизни. Селина этим двум требованиям соответствовала, по этой-то причине я на ней и женился. Но имелась и еще одна причина, до которой я додумался сам. До брака я должен был Селину содержать и еженедельно платить ей за работу по дому. Сделавшись же моей женой, она должна была работать на меня даром. “Экономия с любовью пополам”, — рассудил я. И, как положено, изложил эти соображения миледи — точно так же как самому себе. “Мне бы казалось, ваша милость, что Селина Гоби в качестве жены обойдется мне дешевле, чем в качестве служанки”.

Миледи расхохоталась и сказала, что не знает, что ее больше потрясло, — мой язык или мои жизненные принципы. Что-то ее явно рассмешило, а вот что — понятно будет лишь знатной особе. Я же понял только одно: миледи не станет возражать, если я сделаю Селине предложение. Именно так я и поступил. И что же мне сказала Селина, спросите вы? Боже мой, как же мало вы знаете женщин, раз задаете такой вопрос! Ну конечно, она сказала “да”.

Когда подошло время свадьбы и мне стали говорить, что следует пошить новый сюртук, мне стало немного не по себе. Я спрашивал других мужчин, какие мысли приходили им в голову, когда они оказывались в моем положении, и они, все без исключения, признавались, что примерно за неделю до бракосочетания им очень хотелось из-под венца сбежать. Что до меня, то я пошел немного дальше — взбрыкнул, так сказать, и попытался свадьбу отменить. Нет, разумеется, не даром! Как человек совестливый я и не рассчитывал, что Селина отступится даром. По английским законам, если жених отменяет свадьбу, он обязан выплатить невесте компенсацию. Вот и я, как полагается законопослушному подданному, хорошенько все обдумал и предложил Селине Гоби отступного: перину и пятьдесят шиллингов в придачу. И что вы думаете? Эта глупышка отказалась.

Делать было нечего. Я пошел себе новый сюртук подешевле, да и вообще отделался довольно дешево. Счастливым, правду сказать, наш брак назвать было нельзя, но и несчастливый он тоже не был. Как говорят дети, серединка на половинку. Уж не

1. Уильям Коббет (1762–1835) — английский писатель, журналист, историк.

знаю, как это получилось, но мы оба, хоть и хотели как лучше, всегда почему-то друг другу мешали. Только, к примеру, соберусь я подняться по лестнице, как жена в это самое время спускается вниз. Хочет спуститься Селина — наверх иду я. Ничего не попишешь, такова супружеская жизнь — моя, во всяком случае.

После пяти лет подобных недоразумений всевидящему Провидению угодно было, дабы избавить нас друг от друга, призвать мою супругу на небеса, и я остался вдвоем со своей крошкой Пенелопой, нашим единственным ребенком. В скором времени скончался и сэр Джон, и миледи, так же как и я, осталась одна со своей маленькой дочкой — других детей не было и у нее. Пенелопа росла на глазах у моей госпожи, о чьей доброте мне следовало бы написать обстоятельнее. Сообразительную девочку отдали в школу, когда же она выросла, ее определили в горничные к мисс Рейчел.

Должность управляющего я занимал вплоть до Рождества 1847 года, когда в моей жизни произошла перемена. В тот день миледи удостоила меня своим посещением. Заметив за чашкой чая, что с тех пор, как я поступил пажом к старому лорду, прошло более пятидесяти лет, она преподнесла мне в подарок за безупречную службу связанный ею самой великолепный шерстяной жилет, в котором не страшна самая суровая зима.

Я не находил слов, дабы выразить моей госпоже благодарность за оказанную мне честь. Выяснилось, однако, что жилет был не честью, а подкупом. Миледи обнаружила, что я старею, раньше, чем это обнаружил я сам, и нанесла мне визит, дабы лестью уговорить меня отказаться от тяжелой, сопряженной с разъездами и хлопотами работой управляющего и остаток дней провести на покое в должности дворецкого у нее в доме. Предложение это я счел неподобающим и попытался было сопротивляться, но моя госпожа хорошо знала, чем меня подкупить, и сказала, что, согласившись, я пойду ей навстречу. Закончился наш спор тем, что я, старый дурак, вытер глаза своим вязаным жилетом и обещал, что подумаю.

Визит леди Джулии меня ужасно расстроил, и после ее ухода я обратился к средству, которое в тяжкие минуты сомнений и невзгод никогда еще меня не подводило. Я закурил трубку и раскрыл “Робинзона Крузо”. Не прошло и пяти минут, как на странице пятьдесят восьмой мне попало следующее изречение, примирившее меня с действительностью: “Сегодня мы любим то, что возненавидим завтра”. По прочтении этих слов я воспрял духом. Сегодня я ни за что не хочу расставаться с должностью управляющего, завтра же — если верить “Робинзону Крузо” — мне захочется чего-то совсем другого. Перенесись мыслями в завтрашний день — и все будет в порядке. Успокоив-

шись, я лег в тот вечер в постель управляющим леди Вериндер, а наутро проснулся ее дворецким. Проснулся в прекрасном настроении. А все благодаря “Робинзону Крузо”.

Моя дочь Пенелопа только что заглянула мне через плечо — справиться, сколько я уже написал. Получилось прекрасно, заметила она, и ведь всё — чистая правда. Но одно замечание она все же сделала. “Ты пишешь, — сказала она, — совсем не о том, о чем следовало. Тебя просили написать про Лунный камень, а ты пишешь о себе”. Странно, сам не пойму, почему так получилось. Интересно, джентльмены, которые зарабатывают на жизнь сочинительством, тоже подменяют своих персонажей самими собой? В таком случае я им не завидую. Стало быть, и на этот раз ничего не получилось. Как же теперь быть? А вот как. Вам — не терять терпения. А мне — не отчаиваться и начать все с самого начала, в третий раз.

3

Для решения вопроса о том, с чего следует начать мой рассказ, я первым делом почесал в голове — безрезультатно. А затем обратился за советом к Пенелопе, которая навела меня на совершенно новую мысль.

По мнению Пенелопы, записи я должен вести с того дня, как стало известно, что к нам приезжает мистер Франклин Блейк. Когда возвращаешься мыслью к какой-нибудь дате, чего только в связи с ней не приходит в голову. Вот только вспомнить эту дату удастся далеко не всегда. На помощь пришла Пенелопа: предложила воспользоваться своим дневником. Вести дневник ее приучили еще в школе, и ведет она его по сей день. Я предложил, чтобы она, справляясь по своему дневнику, записывала события вместо меня, однако Пенелопа покраснела и срывающимся от раздражения голосом заявила, что предназначен дневник только для нее самой, и никому на свете она не даст в него заглянуть. Когда же я поинтересовался, как это следует понимать, моя дочь ответила: “Понимай как знаешь!” Любимые дела, не иначе, решил я.

Итак, начинаю, по совету Пенелопы, вести записи с того дня, когда утром, в среду 24 мая 1848 года, меня вызвали в кабинет миледи.

— Гэбриэл, — сказала леди Джулия, — у меня для вас сюрприз. Из-за границы вернулся в Англию Франклин Блейк. Завтра он приезжает к нам из Лондона, где гостит у отца. Пробудет у нас месяц и отпразднует с нами день рождения Рейчел.

Держи я в руке шляпу, только уважение к моей госпоже помешало бы мне подбросить ее до потолка. Мистера Франклина я

не видел с тех самых пор, как он мальчиком жил у нас в этом доме. Сколько помню, среди мальчишек, запускавших волчки или бивших окна, ему не было равных. В ответ на эти мои слова мисс Рейчел — она присутствовала при нашем разговоре — заметила, что, на *ее взгляд*, свет не видывал более свирепого потрошителя кукол и более безжалостного кучера, который запрягал бедную девочку и гонял ее по двору до полного изнеможения. “Каждый раз, когда я вспоминаю Франклина Блейка, меня охватывает негодование и я валюсь с ног от усталости”, — подытожила мисс Рейчел.

Если у вас возникнет законный вопрос, почему мистер Франклин все эти годы, с детских лет до настоящего времени, прожил за границей, я отвечу: потому что его отец имел несчастье быть прямым наследником герцога, однако доказать это оказался не в состоянии.

Вот как обстояло дело.

Старшая сестра леди Джулии вышла замуж за знаменитого мистера Блейка, который прославился как своим баснословным богатством, так и громким и нескончаемым судебным процессом. Не берусь сказать, сколько лет ходил он по судам, дабы лишить сына герцога его владений и присвоить их себе, сколько стряпчих нажились на нем и сколько ни в чем не повинных людей поссорились в спорах о том, на чьей стороне правда. Тяжба продолжалась столько лет, что, прежде чем суды, отказавшись брать с Блейка деньги, захлопнули перед ним двери, он успел похоронить жену и двух из трех своих детей. Когда все было кончено и владениям сына герцога ничего уже больше не угрожало, мистер Блейк счел, что единственный способ рассчитаться со своим отечеством за то, как оно с ним обошлось, — это лишить Англию чести воспитывать его сына. “Могу ли я положиться на мои национальные учреждения после того, *как* мои национальные учреждения со мной обошлись!” Если к этому прибавить, что мистер Блейк терпеть не мог мальчишек, в том числе и мальчишку своего собственного, то будет понятно, что ничем иным дело кончиться не могло. Юный Франклин был увезен из Англии и отправлен в *такую* страну и в *такие* учебные заведения, на которые мистер Блейк смело мог положиться. Такой в высшей степени надежной страной явилась Германия. Сам же мистер Блейк, обратите внимание, преспокойно остался в Англии, чтобы наставлять в парламенте своих соотечественников на путь истинный, а также чтобы во всех подробностях изложить на бумаге обстоятельства своей тяжбы с сыном герцога; сей труд мистер Блейк не завершил по сей день.

Ну вот! Это я, с Божьей помощью, вам рассказал! Не будем больше забивать себе голову мистером Блейком. Пусть зани-

мается своим герцогским титулом, а мы займемся Лунным камнем.

А значит — мистером Франклином, ведь это он, не подозревая о последствиях, привез нам сей злосчастный брильянт.

Уехав за границу, наш славный мальчик про нас не забыл. Время от времени он нам писал, иногда — миледи, иногда — мисс Рейчел, иногда — мне. Перед отъездом он одолжил у меня моток бечевки, перочинный нож с четырьмя лезвиями и семь шиллингов и шесть пенсов, которые, заметьте, я до сих пор не получил — и вряд ли получу. Мне он писал главным образом для того, чтобы занять еще денег. От миледи, однако, я слышал, что из Европы он уезжать не собирался, что повзрослел и остепенился. Обучившись всему тому, чему могли научить его в немецких учебных заведениях, он перебрался во Францию, а оттуда — в Италию, где, насколько я мог судить, его носили на руках. И то сказать, он немного писал, немного рисовал, немного пел, играл, сочинял музыку и, подозреваю, не гнушался брать в долг, точно так же как некогда брал у меня. Когда он достиг совершеннолетия, ему досталось состояние его матери (семьсот фунтов в год), которым, надо сказать, дорожил он не слишком. Чем больше денег у него водилось, тем больше их ему не хватало; в кармане мистера Франклина зияла огромная прореха, зашить которую не представлялось возможным. Где бы он ни оказывался, его, человека светского и обаятельного, всегда ожидал радушный прием. Он жил где и как придется. Писать ему надо было по адресу, который он сам себе выдумал: “Европа. До востребования”. Два раза он уж было решился вернуться в Англию и нас повидать, и оба раза (сообщаю по секрету) некая неведомая особа расстраивала его планы. Третья попытка, как вы уже знаете, удалась. В четверг двадцать пятого мая нам предстояло впервые увидеть, в кого превратился наш славный мальчик — ныне уже двадцатипятилетний мужчина, обладавший благородным происхождением и мужественным нравом. Теперь, накануне приезда мистера Блейка, вы знаете про него не меньше, чем я.

В четверг стояла чудесная летняя погода, и миледи с дочерью (не ожидая мистера Франклина раньше обеда) отправились завтракать к каким-то своим друзьям по соседству.

Когда они уехали, я наведалься в спальню, предназначенную для нашего гостя, и убедился, что там наведен полный порядок. После чего, поскольку я был не только дворецким, но и буфетчиком миледи (причем по моей собственной просьбе, ибо мне не хотелось, чтобы кто-то другой владел ключами от винных погребов покойного сэра Джона), я извлек из погреба

наше знаменитое латурское бордо и выставил бутылку на солнце, чтобы вино согрелось перед обедом. Согреться на солнце перед обедом в этот погожий летний день не мешало и мне, ведь то, что пойдет на пользу старому бордо, пойдет на пользу и старым костям. Я вынес на задний двор свой стул с полукруглой спинкой, и тут до меня донесся звук, напоминавший приглушенный барабанный бой и раздававшийся с террасы под окнами миледи.

Я обошел дом и обнаружил трех темнокожих индусов в белых полотняных рубахах и таких же штанах; они стояли на террасе и во все глаза смотрели в окна.

На шее у индусов висели маленькие барабаны, а у них за спиной с мешком в руках стоял худенький светловолосый английский мальчик. Я счел, что индусы — бродячие фокусники, а мальчик с мешком носит их реквизит. Один из индусов — он говорил по-английски и отличался, должен отдать ему должное, самыми изысканными манерами — подтвердил мою догадку и попросил разрешения показать фокусы хозяйке дома.

Должен сказать, что меланхолия мне чужда, люблю забавы и развлечения и никогда бы не отказал в доверии человеку только оттого, что кожа у него чуть темнее моей. Но ведь даже у самых лучших из нас имеются свои слабости — вот и я, если корзина с фамильным серебром стоит на столе в кладовой, никогда не спущу с нее глаз в присутствии чужеземца, пусть даже воспитан этот чужеземец много лучше меня. А потому я сообщил индусу, что хозяйки нет дома, и велел ему и его спутникам покинуть террасу. В ответ индус вежливо мне поклонился, и они ушли. Я же воротился на задний двор, вновь опустился на стоявший на солнце стул и погрузился (не буду скрывать) если не в сон, то в состояние к нему весьма близкое.

Разбудила меня моя дочь Пенелопа, она подбежала ко мне, да так быстро, как будто в доме начался пожар. И чем же, по вашему, было вызвано ее появление? А вот чем. Она потребовала, чтобы трое индийских фокусников были немедленно задержаны, ибо они наверняка проведали, кто приезжает к нам из Лондона, и, стало быть, мистеру Франклину Блейку грозит опасность.

Услышав имя мистера Франклина, я открыл глаза и попросил Пенелопу рассказать, что произошло.

Оказалось, что Пенелопа только что вернулась из сторожки привратника, где она сплетничала с его дочерью и видела, как из ворот выходили в сопровождении маленького мальчика индусы, те самые, кому я приказал покинуть дом миледи. Возомнив, что иноземцы дурно обращаются с худеньким, хорошеньким английским мальчиком, девушки прокрасились

вдоль живой изгороди, отделявшей поместье от дороги, чтобы посмотреть, как поведут себя незваные пришельцы. Повели же они себя несколько необычным образом.

Первым делом они осмотрели дорогу, дабы убедиться, что кругом никого нет. Потом повернулись к нашему дому и стали пристально в него вглядываться, а потом, глядя друг на друга с некоторым сомнением, пустились на своем наречии в спор, после чего все трое повернулись к мальчику с таким видом, будто ожидали *от него* помощи, и главный индус, тот, кто говорил по-английски, сказал мальчику: “Протяни руку”.

Прервав свой рассказ, Пенелопа сказала, что, когда она услышала эти страшные слова, сердце у нее ушло в пятки. И ушло бы, подумал я про себя, если б не корсет. А вслух сказал: “Я бы умер со страху”. (Nota bene: женщины любят, когда им подкакивают.)

Когда индус сказал: “Протяни руку”, мальчик от него отшатнулся, замотал головой и ответил, что протягивать руку ему не хочется. Тогда индус спросил его, причем довольно ласково, уж не хочет ли он, чтобы его отправили обратно в Лондон и оставили на рынке, где он, голодный, оборванный и бесприютный, спал в пустой корзине и где индусы его подобрали. Как видно, вопрос этот подействовал, потому что мальчик, хоть и неохотно, протянул индусу руку. Индус извлек из-за пазухи бутылку и вылил мальчику на ладонь какую-то черную жидкость, похожую на чернила. Потом, коснувшись рукой головы мальчика и сделав пальцами в воздухе какие-то таинственные знаки, сказал: “Гляди”. Мальчик замер на месте и устремил неподвижный взгляд на чернила, налитые ему на ладонь. “Какие-то дурацкие фокусы и бессмысленная трата чернил”, — подумал было я и уже собирался вновь погрузиться в сон, но дальнейший рассказ Пенелопы окончательно меня разбудил.

Индусы еще раз оглядели дорогу, после чего их предводитель сказал мальчику:

— Видишь английского джентльмена, приехавшего из чужих краев?

— Да, вижу, — ответил мальчик.

— Английский джентльмен придет сегодня в этот дом по этой дороге, и ни по какой другой?

— Английский джентльмен придет в этот дом по этой дороге, и ни по какой другой.

Немного помолчав, индус задал мальчику третий вопрос:

— У английского джентльмена *эта вещь* с собой?

— Да, — ответил мальчик, и тоже не сразу.

И тогда индус задал мальчику четвертый и последний вопрос:

— Английский джентльмен придет, как обещал, в конце дня?

— Не могу сказать, — ответил мальчик.

Индус спросил почему, и мальчик ответил:

— Я устал. У меня в голове туман, он застилает мне взгляд. Сегодня я больше ничего не вижу.

Больше вопросов не последовало. Главный индус что-то сказал своим спутникам на их языке и указал пальцем на мальчика и на город, где (как мы выяснили в дальнейшем) индусы поселились. Потом, вновь сделав какие-то знаки над головой мальчика, подул ему на лоб. Мальчик вздрогнул и очнулся. После этого все четверо направились в сторону города, и больше девушки их не видели.

Говорят, что из всего, если как следует постараться, можно извлечь какой-то смысл. Какой же смысл можно извлечь из рассказа Пенелопы?

Во-первых, главный фокусник услышал о приезде мистера Франклина от прислуги, говорившей об этом у ворот в усадьбу, и решил, что можно будет кое-что заработать. Во-вторых, он, его спутники и мальчик вознамерились (с целью заработать эти деньги) побродить где-нибудь поблизости до приезда миледи, а потом вернуться и чудесным образом предсказать ей приезд мистера Франклина. В-третьих, Пенелопа слышала, как они репетируют свои фокусы, так же как актеры репетируют пьесу. В-четвертых, сегодня вечером будет нелишне присмотреть за фамильным серебром. И, наконец, в-пятых, Пенелопе стоило бы прийти в себя и дать мне, своему отцу, еще разок вздремнуть на летнем солнышке.

Выводы, которые я сделал, показались мне вполне разумными. Однако если вы хоть немного знаете молодых женщин, то ничуть не удивитесь, если я скажу вам, что Пенелопа придерживалась иного мнения. Если верить моей дочери, все было куда серьезнее. Она напомнила мне третий вопрос индуса: “У английского джентльмена эта вещь с собой?”

— Отец! — воскликнула Пенелопа, стиснув руки. — Шутки плохи! Что он имел в виду под “этой вещью”?

— Мы спросим мистера Франклина, доченька, — сказал я. — Если, конечно, ты готова немного подождать. — И я подмигнул, давая дочери понять, что шучу.

Но Пенелопе было не до шуток. Настроена она была более чем серьезно. Ее озабоченный вид насмешил меня.

— А при чем здесь мистер Франклин? — спросил я. — Ему-то откуда знать?

— Спросите его, — сказала Пенелопа. — Увидим, готов ли он посмеяться вместе с вами.

И, выпустив в меня последнюю стрелу, Пенелопа удалась.

После ее ухода я решил, что задам мистеру Франклину этот вопрос, — чтобы хоть немного успокоить Пенелопу. О моем с ним разговоре, состоявшемся в тот же день, и о том, что он ответил на мой вопрос, вы вскоре узнаете. Но поскольку мне не хотелось бы вас разочаровывать, то сразу же, прежде чем двинуться дальше, предупреждаю: в нашем с ним разговоре о фокусниках не было ровным счетом ничего смешного. К моему величайшему удивлению, мистеру Франклину, как и Пенелопе, было не до смеха. Вы поймете, насколько серьезно он отнесся к этой истории, если я скажу вам, что, по его мнению, “этой вещью” был Лунный камень.

4

Мне, право же, стыдно занимать ваше внимание собой и своим стулом с полукруглой спинкой. Отдаю себе отчет: сонный старик на залитом солнцем заднем дворе — тема не самая интересная. Но ведь из рассказа слова не выкинешь, а потому, в ожидании прибытия мистера Франклина Блейка, уж пожалуйста, не побрезгуйте еще некоторое время моим обществом.

После ухода Пенелопы я вновь ненадолго задремал, и разбудил меня звон посуды в людской — обед, стало быть, готов. Обедаю я у себя в комнате, а не вместе со слугами, а потому мне оставалось лишь пожелать им хорошего аппетита и вновь опуститься на стул. Однако не успел я откинуться на спинку и вытянуть ноги, как ко мне опять подбежала женщина, на этот раз не моя дочь, а Нэнси, посудомойка. Я поднялся ей навстречу и, когда она попросила дать ей пройти, обратил внимание, что вид у нее угрюмый, а поскольку слуги находятся у меня в подчинении, я, если вижу, что они чем-то недовольны, то в обязательном порядке ставлю им это на вид и требую разъяснений.

— Что это ты убежала из-за стола? — осведомился я. — Что случилось, Нэнси?

Нэнси попыталась было проскользнуть мимо, ничего не ответив, но я преградил ей дорогу и взял за ушко. Девушка она премиленькая, эдакая прелестная толстушка, и если я беру служанку за ухо, то тем самым даю понять, что питаю к ней симпатию.

— Что же случилось? — повторил я свой вопрос.

— Розанна опять опаздывает к обеду, и меня послали за ней, — ответила Нэнси. — В этом доме мне всегда достается самая тяжелая работа. Дайте же мне пройти, мистер Беттердж!

Розанна была нашей горничной, к которой я испытывал жалость (и в скором времени вы узнаете, по какой причине), а потому, увидев по лицу Нэнси, что за эту мелкую провинность она Розанну наверняка как следует отчитает, я вдруг сообразил, что делать мне сейчас нечего, и я вполне могу сходить за Розанной сам, попенять ей и велеть впредь быть пунктуальнее — уж на меня-то она не обидится.

— А где Розанна? — спросил я у Нэнси.

— На песках, где ж еще! — Она тряхнула головой. — Сегодня утром она опять грохнулась в обморок, с ней это бывает, и отпросилась подышать свежим воздухом. Нет с ней сладу!

— Ступай за стол, душенька, — сказал я. — Меня она из себя не выводит, я ее приведу.

Нэнси на отсутствие аппетита не жаловалась и осталась поэтому моим предложением вполне довольна. А когда она довольна, то хорошеет на глазах, и тогда я щекочу ее под подбородком. Привычка — ничего аморального.

И, взяв палку, я отправился на пески.

Должен вновь повиниться, что отвлекаюсь, но, прежде чем идти дальше, вы обязательно должны выслушать мой рассказ о песках и о Розанне: история Лунного камня связана с ними напрямую. Вот ведь напасть: изо всех сил стараюсь не отвлекаться — и никак не получается! Ничего не поделаешь: люди и вещи так между собой в этой жизни переплелись, что одних без других не поймешь. Не будем отчаиваться, не будем затягивать наш рассказ, и совсем скоро, обещаю, мы погрузимся с головой в тайну Лунного камня!

Розанна (начнем из приличия с нее, а не с песков) была в нашем доме единственной новой служанкой. Месяца четыре назад миледи, находясь в Лондоне, поехала в исправительное заведение, где перевоспитывались отсидевшие срок преступницы. Заметив, что ее светлость проявила к заведению интерес, заведующая указала ей на девушку по имени Розанна Спирмен и рассказала столь печальную историю ее жизни, что не берусь ее здесь воспроизвести; не люблю без необходимости трепать себе нервы — да и вы, думаю, тоже. Розанна Спирмен, вкратце говоря, была воровкой, а поскольку обворовывала она не тысячи людей, не состояла в лондонских воровских шайках, а воровала по мелочи, то попала за решетку, а из тюрьмы, в соответствии с законом, была переведена в исправительное заведение. О Розанне (несмотря на ее прежние занятия) заведующая была самого высокого мнения. “Попади наша Розанна в руки истинной христианки, — сказала заведующая, — и она проявила бы себя с самой лучшей стороны”. На что миледи (более праведной христианки свет не видывал) ответила: “Я дам ей шанс проявить себя с са-

мой лучшей стороны в моем доме”. И спустя неделю Розанна Спирмен поступила к нам второй горничной.

В историю девушки посвящены были только два человека: мисс Рейчел и я. Миледи изволит обращаться ко мне за советом по многим вопросам — посоветовалась и по поводу Розанны. Переняв у покойного сэра Джона привычку ни в чем леди Джулии не перечесть, я с готовностью поддержал ее в решении взять Розанну на работу.

Нашей бедной девушке необычайно повезло. Попрекать ее прошлым слуги не могли, так как история ее жизни была им неизвестна. Как и все служанки, она исправно получала жалование и пользовалась такими же, как они, привилегиями, к тому же миледи время от времени вызывала ее к себе обласкать и ободрить. Розанна, должен признать, вполне заслуживала ласкового обращения своей госпожи. Крепким здоровьем она не отличалась, страдала, как мы уже знаем, обмороками, однако обязанности свои выполняла безукоризненно, никогда не жаловалась, держалась скромно и с достоинством, при этом с другими служанками дружбы не водила, за исключением разве что моей дочери Пенелопы, которая всегда была с Розанной ласкова, хотя близкими подругами они так и не стали.

Трудно сказать, чем она прислуге не угодила. Вызывать зависть она, дурнушка, никак не могла. Мало того, что Розанна была самая некрасивая девушка во всем доме — она была вдобавок кособока, одно плечо было у нее выше другого. Думаю, слугам больше всего претили ее замкнутость и склонность к уединению. В часы досуга, когда другие служанки болтали и сплетничали, Розанна читала или занималась рукоделием. В свободный же день она надевала шляпку и уходила со двора — по большей части в полном одиночестве. Она никогда ни с кем не ссорилась, ни на кого не обижалась — была со всеми неизменно вежлива, но близко не сходилась ни с кем. К этому следует добавить, что, хотя красотой Розанна не отличалась, было в ней нечто, отличавшее ее от *простой* служанки. То ли голосом, то ли лицом походила она на благородную госпожу. С самого первого дня, когда она поступила к нам на службу, в людской подметили это сходство, и пошли разговоры (замечу, без всяких на то оснований), что новенькая — “благородных кровей”, поэтому и задается.

Теперь, когда вы знаете историю Розанны, этого во всех отношениях необычного создания, перехожу к рассказу о песках.

Наш йоркширский дом стоит на возвышении, неподалеку от моря. Вокруг сколько угодно очень живописных прогулок. Есть, впрочем, одно направление, куда ходить не следует, места там — хуже не бывает. Сначала с четверть мили идешь

по мрачному еловому лесу, а потом, миновав низкие утесы, спускаешься в бухту, безобразней и пустынной которой нет на всем нашем берегу.

Здесь песчаные дюны сбегают к морю, откуда друг против друга выступают две остроконечные скалы, теряющиеся в воде. Одна скала называется Северной, другая — Южной. Между ними, поднимаясь и оседая в зависимости от времени года, протянулись самые зловещие зыбучие пески на всем йоркширском побережье. Во время отлива что-то происходит в их неведомой пучине, отчего поверхность песков начинает вдруг колебаться самым фантастическим образом, вот почему местные жители и прозвали эти пески “зыбучими”. Огромная отмель, что протянулась на полмили вдоль устья бухты, сдерживает напор океана. Зимой и летом, во время прилива, море, чьи волны плещутся за отмелью, бесшумно накатывается на зыбучие пески и их заливают. Заброшенное, жуткое место, можете мне поверить! Ни один лодочник не осмелится зайти в эту бухту, ни один ребенок из нашей рыбацкой деревни Коббс-Хоул никогда не прибежит сюда поиграть. Кажется, не залетают сюда даже птицы. Невозможно себе представить, чтобы молодая женщина, которой есть с кем и куда пойти, стоит ей только сказать “Пойдемте!”, пришла бы сюда с книгой или с шитьем, когда у нее выдаться час-другой свободного времени. И тем не менее, хотите верьте, хотите нет, но именно это место облюбовала себе Розанна Спирмен. Случалось, правда, она раз-другой ходила не на пески, а в Коббс-Хоул навестить свою единственную здешнюю подругу, о которой еще будет сказано. Вот туда-то, на пески, я и отправился за Розанной, дабы отвести ее домой обедать. С этого места я и продолжу свой рассказ.

В еловом лесу девушку я не встретил; она сидела на берегу в своей соломенной шляпке и в неказистом сером плаще, который она надевает, чтобы по возможности скрыть свою кособокость. Сидела, как всегда, в полном одиночестве и смотрела за зыбучие пески и на море.

Когда я подошел, она вздрогнула и от меня отвернулась. Как и положено дворецкому, в чьем подчинении находится прислуга, я не допускаю, чтобы горничная, если я к ней обращаюсь, не смотрела мне в глаза, а потому я повернул Розанну к себе лицом и тут только увидел, что она плачет. В кармане у меня лежал фуляровый носовой платок, один из шести превосходных носовых платков, которые подарила мне миледи. Я извлек его из кармана со следующими словами:

— Пойдем-ка, моя дорогая, сядем вместе на берегу. Я вытру тебе глаза, а потом, с твоего разрешения, полюбопытствую, отчего ты плачешь.

Когда доживете до моих лет, то узнаете: для того чтобы опуститься на песок, вам потребуется гораздо больше времени, чем требовалось раньше. Пока я усаживался, Розанна вытерла глазки своим носовым платком, не чета моему — дешевым, льняным. Вид у нее был очень несчастный, однако ж она меня послушалась и безропотно села на песок рядом со мной. Если хотите поскорей утешить женщину, посадите ее себе на колени. Я вспомнил это золотое правило, но Розанна, увы, не Нэнси, и тут уж ничего не поделаешь!

— Ну-ка рассказывай, о чем ты плакала? — спросил я.

— О прожитом, мистер Беттередж, — едва слышно ответила Розанна. — Я порой вспоминаю свою прежнюю жизнь.

— Будет, будет, моя дорогая! — сказал я. — Что было, то прошло, к чему вспоминать старые грехи, ты ведь их давно искупила.

Розанна взяла меня за лацкан сюртука. В старости я стал неопрятен и, когда ем и пью, пачкаю одежду. То одна служанка, то другая чистит мне платье. Накануне Розанна вывела пятно с моего сюртука каким-то новым составом, который уничтожает любые пятна. Жир сошел, но на ворсе осталось едва заметное пятнышко. Девушка показала мне на него и покачала головой.

— Пятно выведено, — сказала она, — но след остался, мистер Беттередж, след остался!

Это замечание застало меня врасплох, и я не нашелся, что ответить. В эту минуту мне почему-то стало ее очень жаль. Да, Розанна не отличалась красотой, но у нее были чудесные карие глаза, и глаза эти смотрели на меня с уважением к моим преклонным годам, к моей безупречной репутации, ко всему тому, чего ей не достичь никогда. И сердце мое наполнилось состраданием к нашей второй горничной. Утешить ее я был не в силах, мне оставалось лишь отправить ее обедать.

— Помоги мне встать, — сказал я. — Ты опоздала к обеду, и я пришел отвести тебя домой.

— Вы, мистер Беттередж?!

— За тобой послали Нэнси, но я счел, что, если распеку тебя я, ты не будешь на меня в обиде, правда ведь, дорогая?

Вместо того чтобы помочь мне встать, бедняжка коснулась моей руки и тихонько пожала ее. Она чуть было вновь не расплакалась, но сдержалась, и я ее выдержку оценил по достоинству.

— Вы очень добры, мистер Беттередж, — сказала Розанна. — Позвольте мне сегодня пропустить обед и остаться здесь подольше.

— Скажи, почему эти печальные места так тебе нравятся? — спросил я. — Что тебя сюда тянет?

— Да, что-то меня на этот берег притягивает, — сказала девушка, рисуя пальцем на песке. — Изю всех сил стараюсь в эту бухту не ходить — и не могу. Иной раз... — прибавила она совсем тихо, будто пугаясь собственной фантазии, — ...иной раз, мистер Беттередж, мне начинает казаться, что здесь меня поджидает моя могила...

— Тебя поджидает жареная баранина и пудинг с почками! — вскричал я. — Ступай сейчас же обедать. Вот что бывает, Розанна, если рассуждать на голодный желудок!

Я повысил голос, ибо пришел в негодование, оттого что двадцатипятилетняя женщина говорит о близкой смерти. И кому? Старику моих лет!

Казалось, Розанна не слышит моих слов. Она положила руку мне на плечо, чтобы я остался сидеть с ней рядом.

— Мне мнится, — сказала она, — что это место околдовало меня. Оно снится мне каждую ночь, я не перестаю думать о нем, когда убираю или шью. Знаете, мистер Беттередж, я так вам благодарна, я стараюсь заслужить вашу доброту и доверие ко мне ее светлости. Но, бывает, я задаюсь вопросом, не слишком ли спокойна, не слишком ли благополучна эта жизнь для такой, как я, после всего, что мне досталось, мистер Беттередж, после всего, что я перенесла. Мне более одиноко дома, среди слуг, чем здесь, ведь я чувствую, что я не такая, как они. И ее светлость, и заведующая исправительным домом даже не подозревают, каким тяжким укором кажутся такой, как я, честные люди. Не ругайте меня, милый, добрый вы человек! Я свою работу выполняю, так ведь? Пожалуйста, не говорите ее сиятельству, что я недовольна. Нет, я всем довольна, просто иногда мне тяжело на душе, только и всего... — Она сняла руку с моего плеча и внезапно указала пальцем на пески.

— Смотрите, — сказала она, — не удивительно ли? Не ужасно ли? Я видела это десятки раз, и каждый раз — как будто впервые!

Я взглянул, куда она указывала. Начался прилив. И страшный песок вдруг словно бы содрогнулся. Его бурая поверхность стала судорожно вздыматься, а потом будто покрылась рябью и задрожала.

— Знаете, на что это похоже? — сказала Розанна, вновь вцепившись мне в плечо. — Это похоже на то, как будто сотни людей задыхаются под этим песком, они селятся выбраться на поверхность — и все глубже и глубже погружаются в эту бездонную пучину! Бросьте камень, мистер Беттередж! Бросьте камень, и вы увидите, как его втягивает в себя песок!

Воспаленное воображение! Вот что бывает, когда в животе пусто, а на душе тяжело! Я уже приготовился было про-

честь Розанне суровую отповедь (в интересах бедной девушки, могу вас заверить!), но тут из-за дюн чей-то голос назвал меня по имени:

— Беттередж, где вы?

— Я здесь! — крикул я в ответ, совершенно не представляя, кто бы это мог быть.

Розанна вскочила и повернулась в ту сторону, откуда раздавался голос. Поднялся бы с песка и я, если б не внезапная перемена в выражении лица девушки.

Бледные ее щеки окрасились нежным румянцем, чего раньше никогда не было. Изумление, от которого Розанна словно бы вся светилась, было столь велико, что она лишилась дара речи и застыла на месте, затаив дыхание.

— Кто это? — спросил я Розанну.

— Кто это? — эхом отозвалась Розанна на мой вопрос. — Боже, кто это?! — вполголоса повторила она, точно обращалась не ко мне, а к самой себе.

Я повернул голову, чтобы видеть, что происходит у меня за спиной. Из-за дюн появился и направился в нашу сторону светлоглазый молодой джентльмен в отлично сшитом песочного цвета костюме и в перчатках и шляпе костюму под стать, с розой в петлице и с такой широкой, располагающей к себе улыбкой, что даже зыбучие пески не смогли бы не улыбнуться в ответ. Прежде чем я сумел подняться, молодой человек уселся на песок рядом со мной и, как это принято в Европе, обнял меня за шею, да так крепко, что я едва не испустил дух.

— Старый добрый Беттередж! — воскликнул он. — Я ведь вам должен семь шиллингов и шесть пенсов. Ну что, теперь узнали?

Господь всемогущий! Да это ж мистер Франклин Блейк, которого мы ждали четырьмя часами позже!

Не успел я ответить на приветствие мистера Франклина, как обратил внимание, с каким удивленным видом переводит он взгляд с меня на Розанну. Посмотрел на девушку и я. Как видно, она перехватила взгляд мистера Франклина, отчего покраснела еще больше, а затем, не сделав Блейку реверанс и не сказав мне ни слова, в замешательстве, причину которого я не мог постичь, повернулась к нам спиной и удалилась. Я ее не узнавал: более вежливой и благовоспитанной служанки мне еще встречать не приходилось.

— Странная, однако, девушка, — сказал мистер Франклин. — Интересно, чем это я так ее удивил?

— Смею предположить, сэръ, — ответил я, подтрунивая над континентальным обхождением нашего юного джентльмена, — что удивил ее ваш заграничный лоск.

Привожу здесь небрежный вопрос мистера Франклина и мой глупый ответ в утешение и поощрение всем глупцам, ибо я давно заметил: ограниченным особам приятно сознавать, что люди, куда более умные, чем они, нередко ведут себя столь же глупо. Как бы то ни было, ни мистери Франклину с его безупречным заграничным воспитанием, ни мне в моем почтенном возрасте, с моим жизненным опытом и природной сметкой не пришлось бы в голову, чем вызвано необъяснимое поведение Розанны Спирмен. А впрочем, не успел еще в дюнах скрыться ее серый плащ, а мы уже забыли о ее существовании. Что с того? — спросите вы и будете правы. Читайте же дальше, друг мой, наберитесь терпения и, как знать, быть может, вы так же пожалеете Розанну Спирмен, как пожалел ее я, когда узнал всю правду.

5

Когда мы остались одни, я первым делом предпринял третью попытку подняться с песка. Мистер Франклин, однако, меня остановил.

— У этого зловещего места есть одно преимущество, — сказал он, — здесь нас с вами никто не слышит. Оставайтесь сидеть, как сидели, Беттередж, я должен вам кое-что сказать.

Я смотрел на него и тщетно пытался обнаружить хотя бы отдаленное сходство между сидящим рядом мужчиной и мальчиком, чей облик сохранился в моей памяти. В мистере Блейке не было и намек на розовощекого мальчугана в аккуратном костюмчике. Теперь он был бледен, а нижняя часть лица, к моему удивлению и разочарованию, заросла кудрявой каштановой бородкой и усами. Спору нет, своим обаянием, живостью он очень к себе располагал, но от мальчишеской непринужденности не осталось и следа. Мало того: в детстве он обещал быть высоким, но обещания не сдержал. Он был гибок, строен и хорошо сложен, но даже до среднего роста ему не хватило пары дюймов. Одним словом, вид его меня озадачил: он был неузнаваем, если не считать его прямого, открытого взгляда. Взгляд этот совершенно не изменился, решил я и на этом свои физиогномические разыскания прекратил.

— Добро пожаловать в родные пенаты, мистер Франклин, — сказал я. — Тем приятнее видеть вас, сэр, что прибыли вы на несколько часов раньше, чем мы вас ждали.

— Я приехал раньше, чем собирался, вовсе не случайно, — ответил мистер Франклин. — Подозреваю, Беттередж, что последние три-четыре дня за мной в Лондоне была установлена слежка, и я приехал с утренним, а не с дневным поездом, чтобы ускользнуть от некоего смуглого чужеземца.

Его слова меня насторожили. Я сразу же вспомнил о трех фокусниках и о предположении Пенелопы, что эти фокусники представляют для мистера Франклина Блейка опасность.

— Кто за вами следит, сэр, и почему? — поинтересовался я.

— Расскажите мне о трех индусах, побывавших сегодня в вашем доме, — продолжал мистер Франклин, не обратив никакого внимания на мой вопрос. — Очень может быть, Беттередж, что мой иноземец и ваши три фокусника заодно.

— А как вы узнали о фокусниках, сэр? — задал я второй подряд вопрос, хотя не получил еще ответ на первый, что, не буду спорить, — дурной тон. Но человек — всякий человек — не безупречен, и я в том числе.

— По приезде я разговаривал с Пенелопой, и она мне все рассказала. Ваша дочь, Беттередж, в детстве обещала быть прехорошенькой и наших надежд не обманула. У нее маленькие ушки и маленькие ножки. Скажите, миссис Беттередж отличалась этими неоценимыми достоинствами?

— Если покойная миссис Беттередж, сэр, чем и отличалась, так это, позвольте заметить, неспособностью сосредоточиться. Она больше походила на муху, чем на женщину. Посидит с минуту и улетит.

— Она бы мне подошла, — сказал мистер Франклин. — Я тоже не могу ни на чем сосредоточиться. Ваше сравнение, Беттередж, как всегда, не в бровь, а в глаз. Ваша дочь это подтвердила, когда я расспрашивал ее о фокусниках. “Отец все вам расскажет, — сказала она. — Для своего возраста он превосходно сохранился: за словом в карман не лезет”. Именно так и сказала, да еще раскраснелась — хороша, слов нет. При всем уважении к вам, Беттередж, я не удержался и... А впрочем, неважно, я ведь знал ее совсем еще ребенком, и хуже она, право же, за это время не стала. Но — шутки в сторону. Что тут делали фокусники?

Я остался дочерью недоволен, нет, вовсе не потому, что она позволила мистеру Франклину себя поцеловать, мистер Франклин имеет на *это* право. Недоволен Пенелопой я остался оттого, что она заставила меня пересказывать эту глупую историю, да еще с ее слов. Но делать было нечего, пришлось рассказывать все сначала и во всех подробностях. Оптимизм мистера Франклина таял на глазах. Он сидел насупившись и нервно теребил бородку. Когда я кончил, он повторил вслед за мной два вопроса, которые задал мальчику главный фокусник, — вероятно, чтобы лучше эти вопросы запомнить.

— “Английский джентльмен придет в этот дом по этой дороге, и ни по какой другой?”, “У английского джентльмена *эта вещь*

с собой?» Подозреваю, — сказал мистер Франклин, вынимая из кармана небольшой бумажный пакет, — что под “этой вещью” следует понимать знаменитый брильянт моего дяди Хернкасла.

— Боже правый, сэр! — вскричал я. — Каким же образом к вам попал брильянт этого негодяя?!

— Хернкасл завещал передать этот брильянт моей кузине Рейчел в день ее рождения, — ответил мистер Франклин. — А мой отец как душеприказчик полковника поручил мне привезти брильянт сюда.

Если б море, что бесшумно накатывалось на зыбучие пески, вдруг, у меня на глазах, высохло, я бы и тогда так не удивился, услышав, что говорит мистер Франклин.

— Брильянт полковника перешел по наследству к мисс Рейчел?! — Я сам не верил своим словам. — А ваш отец, стало быть, душеприказчик полковника?! Держу пари на что угодно, мистер Франклин, что ваш отец не пожелал бы иметь с ним ничего общего.

— Ну, это выхватили через край, Бетгередж! Какая вина лежит на полковнике? Он жил в ваше время, а не в мое. Вот и расскажите мне, что вы о нем знаете, а я расскажу вам, как получилось, что мой отец стал его душеприказчиком. Расскажу и еще кой о чем. В Лондоне мне стали известны некоторые не слишком благовидные подробности о моем дяде Хернкасле и его брильянте, и я хотел бы узнать от вас, так ли это. Вы только что назвали его негодяем. Поройтесь-ка в памяти, дружище, и скажите, почему он негодяй?

Я понял, что мой собеседник настроен серьезно, и рассказал ему все, что знал сам.

Пересказываю вам вкратце то, что я ему сообщил. Будьте внимательны, иначе потеряете нить повествования. Выбросьте из головы детей, обед, новую шляпку, и все прочее. Постарайтесь забыть про политику, лошадей, про биржевой курс и интриги в клубе. Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я себе позволяю, ведь эти слова я пишу только с одной целью — вызвать у тебя интерес, любезный читатель. Бог мой, разве не был я свидетелем того, сколь невнимательно читаешь ты величайших авторов, разве не знаю, как легко тебя отвлечь, когда ты держишь в руках книгу, а не принимаешь участие в беседе.

Я упоминал об отце миледи, старом лорде с крутым нравом и длинным языком. В общей сложности у него было пятеро детей. Сначала родились два старших сына, потом, спустя какое-то время, его жена с разницей в три года родила ему трех дочерей. Моя госпожа, как уже говорилось, была из них са-

мой младшей и самой лучшей. Артур, старший из сыновей, унаследовал титул и земли отца. Второй сын, высокородный Джон, получил в наследство от родственника солидное состояние и пошел служить в армию.

Дурна, говорят, та птица, что пачкает собственное гнездо. Благородную фамилию Хернкаслей я считаю своим гнездом и буду от всего сердца обязан читателю, если тот позволит мне описать высокородного Джона лишь вскользь, опуская подробности. Ни минуты не сомневаюсь, что большего, чем он, негодяя свет не видывал. И это не преувеличение. Начиная он службу в гвардейском полку, однако ему не было и двадцати двух, когда гвардию — умолчу, по какой причине, — ему пришлось покинуть. В армии, как известно, строгая дисциплина, и она пришлась высокородному Джону не по вкусу. Он отправился в Индию понюхать порошу, а заодно посмотреть, существуют ли и там тоже такие строгости. Что касается храбрости, то надо отдать Джону должное: он сочетал в себе отвагу бульдога, боевого петуха и дикаря. Хернкасл участвовал во взятии Серингапатама, после чего перешел вскоре в другой полк, а в дальнейшем — и в третий. В третьем полку он получил звание подполковника и солнечный удар в придачу, после чего возвратился в Англию.

Вернулся он с такой репутацией, что перед ним закрылись двери всех его родственников, прежде остальных (с согласия мужа, разумеется) отказала ему от дома только что вышедшая тогда замуж леди Джулия, она объявила, что ноги брата в ее доме никогда больше не будет. На совести полковника было немало темных пятен; назову лишь одно — Лунный камень.

Говорили, что, несмотря на свою смелость, он не решался признаться, как индийский брильянт попал к нему в руки. Он никогда не пытался его продать — во-первых, потому что не нуждался в деньгах, а во-вторых (и тут также следует отдать ему должное), потому что к деньгам был равнодушен. Мало сказать, что он никому брильянт не подарил — он даже никому его не показывал. Одни говорили, что брильянт он не демонстрирует, боясь вызвать недовольство старших по званию; другие (как же плохо они его знали!) полагали, будто он боится, как бы Лунный камень, покажи он его, не стоил ему жизни.

В этих слухах, быть может, и была доля истины. Нет, страха он не испытывал, однако в Индии на его жизнь и в самом деле покушались дважды, и никто не сомневался, что причиной обоих покушений был Лунный камень. По этой же причине, когда полковник приехал в Англию, все от него отвернулись, из-за индийского брильянта он стал у себя на родине изгоем. Мужчины не пускали его в свои клубы, женщины — и

не одна, а многие — отказывались выходить за него замуж, друзья и родственники “по близорукости” не узнавали его на улице.

Иные в подобных обстоятельствах попытались бы оправдаться. Но высокородный Джон был не из тех, кто идет на пятный, даже если он не прав, даже если общество отказалось иметь с ним дело. Бросая вызов убийцам, он не расставался с брильянтом в Индии; бросая вызов общественному мнению, не расставался он с ним и в Англии. Вот вам портрет этого человека: идет до конца наперекор всем; хорош собой, но слово бы одержим дьяволом.

Какие только слухи не доходили до нас! Рассказывали, будто он курит опиум и собирает старые книги. Что производит какие-то таинственные химические опыты. Что прожигает жизнь со всяким отребьем в лондонских притонах последнего разбора. Как бы то ни было, жизнь полковник вел одинокую, порочную и никому не ведомую. После его возвращения я встретился с ним лицом к лицу всего один раз. И вот при каких обстоятельствах.

Года за два до того времени, о котором я пишу, и за полтора до его смерти полковник неожиданно явился к миледи в ее лондонский дом. Было это двадцать первого июня в день рождения мисс Рейчел, и в этот день, как всегда, в доме ее светлости собрались гости. Ко мне подошел лакей и сказал, что меня хочет видеть какой-то джентльмен. Я вышел в переднюю и увидел полковника — опустившегося, состарившегося, но по-прежнему необузданного и злого.

“Ступайте к моей сестре, — распорядился он, — и скажите ей, что я приехал поздравить племянницу с днем рождения”.

Он не раз писал миледи письма, хотел с ней помириться, и только (не сомневаюсь) с одной целью — ей досадить. А вот к нам домой он приехал впервые. Я едва сдержался, чтобы не сказать ему, что у миледи гости, — меня напугала дьявольская ухмылка, игравшая у него на губах. Я поднялся наверх передать его поручение, он же предпочел остаться внизу, в передней. Слуги не спускали с полковника глаз, при этом старались держаться от него подальше, так, будто он был ходячей адской машиной, которая начинена порохом и дробью и взорваться может в любую минуту.

Крутым нравом — пусть и в гораздо меньшей степени, чем ее супруг, — отличалась и миледи. “Скажите полковнику Хернкаслу, — распорядилась она, когда я передал ей слова брата, — что мисс Вериндер занята, а я видеть его отказываюсь”.

Я попытался было добиться от миледи более вежливого ответа, ибо хорошо знал, что присущей джентльменам сдер-

жанностью полковник не отличается. Безрезультатно! На этот раз семейную вспыльчивость испытал на себе я. “Вы же знаете, — сказала мне миледи, — что я всегда обращаюсь к вам за советом, когда в этом есть необходимость. На этот раз такой необходимости нет”.

Я пошел вниз и на свой страх и риск передал полковнику слова его сестры в смягченном виде: “К великому сожалению, полковник, миледи и мисс Рейчел в настоящее время заняты и просят извинить их за то, что лишены чести вас принять”.

Я боялся, что даже в такой редакции слова эти вызовут у Хернкасла лютую ярость. К моему удивлению, однако, ничего подобного не произошло: полковник воспринял мои слова так миролюбиво, что я даже забеспокоился. Он лишь устремил на меня пристальный взгляд своих сверкающих светло-серых глаз и с тихим, зловещим смехом, обращенным не на собеседника, как смеются другие люди, а словно бы на самого себя, сказал: “Благодарю, Беттередж, я запомню день рождения племянницы”. И с этими словами повернулся на каблуках и вышел.

Наступил следующий день рождения мисс Рейчел, и до нас дошли слухи, что полковник заболел и слег, а полгода спустя, то есть за полгода до того времени, о котором я пишу, миледи получила письмо от весьма почтенного священника. Священник сообщил леди Джулии две неожиданные семейные новости. Во-первых, полковник на смертном одре простил свою сестру. Во-вторых, простил и всех остальных и смерть принял на удивление достойно. Признаться я и сам (не взирая на епископов и духовенство) питаю непритворное уважение к церкви; вместе с тем я глубоко убежден, что высокородный Джон находился во власти дьявола и что этот бессовестный человек совершил напоследок бессовестный поступок, а именно (поверите ли?) ввел в заблуждение священнослужителя!

Вот что — если опустить кое-какие несущественные детали — я рассказал мистеру Франклину. Надо сказать, что с каждой минутой слушал он меня все внимательнее. Что же касается истории о том, как сестра полковника в день рождения дочери отказалась его принять, то история эта, похоже, поразила его до глубины души. И хотя он промолчал, по лицу его было видно, что ему очень не по себе.

— Вы рассказали мне все, что знали, Беттередж, — сказал он. — Теперь моя очередь. Однако прежде чем сообщить вам, что мне стало известно в Лондоне и какое отношение имеет ко мне индийский брильянт, вот что мне хотелось бы у вас выяснить. По вашему лицу, мой старый друг, видно, что вы не вполне понимаете, с какой целью я завел этот разговор. Или я ошибаюсь?

— Нет, сэръ, — ответил я, — вы не ошибаетесь. То, что вы прочли на моем лице (на этот раз, по крайней мере), — чистая правда.

— В таком случае, — сказал мистер Франклин, — хочется надеяться, что вы разделите мою точку зрения. И вот к чему она сводится. Подарок полковника на день рождения моей кузины Рейчел ставит перед нами три очень важных вопроса. Слушайте же меня внимательно, Беттередж, и считайте эти вопросы на пальцах, чтобы не сбиться. — Мистер Франклин, как и в бытность свою мальчишкой, упивался своим здравомыслием. — Итак, вопрос номер один: “В Индии заговорщики охотились за брильянтом полковника?” Вопрос номер два: “Заговорщики последовали за полковником в Англию?” И вопрос номер три: “Полковник знал, что заговорщики его преследуют? И не нарочно ли он подарил брильянт дочери своей сестры, этому невинному существу, оставив тем самым в наследство сестре хлопоты и опасности, с этим брильянтом сопряженные?” Вот к чему я веду, Беттередж. Только, пожалуйста, не пугайтесь!

Легко ему говорить! Ведь если он прав, наш спокойный английский дом станет пристанищем дьявольского индийского брильянта, за которым из мести мертвецу следуют по пятам коварные заговорщики. Вот в каком положении мы оказались, если я правильно понял смысл последних слов мистера Франклина! Слыханное ли дело! И это в девятнадцатом столетии, в век прогресса! И где? В стране, что пользуется всеми благами британской конституции. Никто никогда не слышал ничего подобного. И, стало быть, никто в это не поверит. Но вернемся к истории с брильянтом.

Внезапный страх, который я испытал, в девяти случаях из десяти сказывается на желудке. Внимание отвлекается, и вы начинаете ерзать. Заерзал, сидя на песке, и я. Мистер Франклин заметил, что мне — то ли из-за желудка, то ли от горьких мыслей, в данном случае это одно и то же — не по себе, и, прежде чем начать свой рассказ, спросил меня, повысив голос: “Что это с вами?”.

Ему я не сказал, что со мной. А *вам* по секрету скажу: мне захотелось закурить трубку и раскрыть “Робинзона Крузо”.

6

Справившись, однако, со своими чувствами, я попросил мистера Франклина продолжать. “Только не ерзайте, Беттередж”, — сказал он и приступил к своему рассказу.

Впервые о негодяе-полковнике и его брильянте наш юный джентльмен узнал от стряпчего своего отца, у которого он по-

бывал в Хэмпстеде по приезду в Лондон. Однажды, когда они со стряпчим сидели вдвоем после обеда, мистер Франклин по чистой случайности упомянул, что отец поручил ему отвезти мисс Рейчел подарок ко дню рождения. В свою очередь и стряпчий, когда зашел разговор на эту тему, сообщил мистеру Франклину, что это был за подарок и как возникли приятельские отношения между покойным полковником и мистером Блейком-старшим. История этих отношений столь невероятна, что я вряд ли смог бы их внятно изложить, а потому спешу предоставить слово самому мистеру Франклину.

— Вы, наверно, помните, Бетгередж, — начал он, — как мой отец безуспешно пытался доказать свои права на этот злосчастный герцогский титул. Как раз в это время из Индии возвратился мой дядя Хернкасл. Отец узнал, что у дяди есть бумаги, которые могли бы пригодиться ему в судебной тяжбе, и нанес полковнику визит под тем предлогом, что он хочет поздравить Хернкасла с возвращением на родину. Полковника, однако, провести было не так-то просто. “Вам наверняка что-то от меня нужно, — сказал он, — иначе бы вы ни за что ко мне не пожаловали — репутация дороже”. Отец понял, что придется говорить начистоту, а то дело не выгорит, и тотчас признался, что ему нужны бумаги. Полковник взял день на размышление, после чего дал ответ. Этим ответом явилось весьма странное письмо, которое показал мне мой друг стряпчий. В письме говорилось, что у полковника тоже возникла надобность в моем отце, поэтому он предлагает отцу услугу за услугу. В результате “военных перепитий” (как выразился Хернкасл) он стал обладателем одного из самых больших брильянтов в мире, и у него есть все основания думать, что, если он оставит этот камень у себя, ни он сам, ни брильянт не будут в безопасности, живи он хоть на краю света. В этих обстоятельствах он, чтобы отвести от себя угрозу, вознамерился отдать брильянт на хранение другому человеку. Человек этот не подвергнется никакому риску: он будет вправе отдать драгоценный камень банкиру или ювелиру, в чьих подвалах ценные вещи находятся в полной безопасности. Самому же хранителю брильянта ничего делать не придется, каждый год, в заранее оговоренный день, по заранее оговоренному адресу он или его поверенный будет получать от полковника письмо с извещением, что тот жив. В случае же если в установленный день письмо не придет, то означать это будет только одно — полковник убит. В этом — и только в этом — случае запечатанный пакет с инструкциями, касающимися дальнейшей судьбы брильянта, должен быть вскрыт и инструкции в точности исполнены. Если мой отец готов стать хранителем драгоценного камня, то находящиеся у полковника бума-

ги будут в качестве ответной услуги отданы в его распоряжение. Вот что говорилось в этом письме.

— И что же сделал ваш отец, сэр? — спросил я.

— Что он сделал? Скажу вам, что он сделал. Он обдумал предложение полковника с точки зрения здравого смысла и пришел к выводу, что вся эта история, от начала до конца, яйца выеденного не стоит. В своих странствиях по Индии полковник, как видно, подобрал какую-то никчемную стекляшку и принял ее за брильянт. Что же касается страха быть убитым и мер предосторожности, принятых для сохранения как собственной жизни, так и своей находки, то ведь на дворе как-никак девятнадцатый век, и всякому здравомыслящему человеку достаточно в подобном случае попросту обратиться в полицию. Хернкасл много лет курил опиум, и, коль скоро завладеть бумагами полковника можно было лишь поверив в бредовые измышления опиомана, мой отец согласился взять на себя эту довольно необычную ответственность, тем более что обещание сохранить камень ни к чему, в сущности, его не обязывало и ничем не угрожало. Брильянт и запечатанный пакет с инструкциями были отправлены в кладовую банкира, а письма полковника, ежегодно извещавшие отца, что он жив, получал и распечатывал отцовский поверенный мистер Брафф. В этой ситуации любой разумный человек на месте моего отца поступил бы точно так же. На свете правдоподобно лишь то, Беттередж, что поверяется нашим небогатым жизненным опытом, и в небылицы мы поверим лишь тогда, когда прочтем о них в газете.

Из сказанного мистером Франклином я сделал вывод, что он не разделяет мнение своего отца о полковнике, считает это мнение поверхностным и ошибочным.

— А что думаете обо всем этом вы? — спросил я.

— Давайте сперва покончим с историей полковника, — сказал мистер Франклин. — Англичанам не хватает последовательности, и вы, мой старый друг, наглядный тому пример. Станки мы собираем лучше многих, но в остальном мы (в умственном отношении) самый несобранный народ на свете.

“Вот что значит заграничное воспитание, — подумал я про себя. — Не иначе как французы его научили над нами подсмеиваться”.

Меж тем мистер Франклин продолжал свой рассказ.

— Отец получил нужные ему бумаги и с этих пор больше полковника не видел ни разу. Год за годом в заранее установленные дни от полковника приходило заранее оговоренное письмо, которое распечатывалось мистером Браффом. Я видел эти письма, толстую пачку писем, очень коротких, — полковник ограничивался всего несколькими словами: “Сэр, подтверждаю, что я

еще жив. Пусть брильянт остается на своем месте. Джон Хернкасл”. Письма приходили регулярно, в назначенный срок, день в день, пока однажды, месяцев шесть-восемь назад, от полковника пришло письмо совсем другого содержания: “Сэр, говорят, я умираю. Приезжайте и помогите составить завещание”. Мистер Брафф поехал и обнаружил Хернкасла в небольшой пригородной вилле с участком земли, где полковник с тех пор, как вернулся из Индии, жил в полном одиночестве, если не считать собак, кошек и птиц, а также приходящей служанки и врача, сидевшего у его изголовья. Составить завещание не представляло никакого труда: большую часть своего состояния полковник истратил на химические опыты. Завещание, которое он продиктовал в постели, в здравом уме и твердой памяти, состояло всего из трех пунктов. Пункт первый: содержание и уход за животными. Пункт второй: учреждение кафедры экспериментальной химии в одном из северных университетов. В третьем же разделе полковник завещал племяннице в качестве подарка на день рождения Лунный камень с условием, что душеприказчиком будет мой отец. Сперва отец отказался, но, поразмыслив, дал согласие, решив, что, во-первых, обязанности душеприказчика не доставят ему никаких хлопот, а во-вторых, потому что мистер Брафф дал ему понять: брильянт, скорее всего, обладает немалой ценностью.

— Скажите, сэр, полковник не объяснил, почему он завещает брильянт мисс Рейчел? — поинтересовался я.

— Конечно, объяснил: об этом говорится в завещании, — ответил мистер Франклин. — У меня есть из него выписка, которую вы вскоре увидите. Не торопите события, Беттередж! Всею свое время. Я рассказал вам о завещании полковника, теперь послушайте, что произошло после его смерти. Для доказательства законности завещания брильянт следовало оценить, и все ювелиры, к которым мы обратились, сошлись на том, что полковник не ошибся: Лунный камень — один из самых больших брильянтов на свете. Точная оценка его стоимости вызвала немалые затруднения. На рынке драгоценных камней его размеры произвели настоящую сенсацию, цвет камня был также признан необычным, обращала на себя внимание и трещина в самой его сердцевине. Но даже при наличии этого серьезного изъяна специалисты оценили брильянт, по меньшей мере, в двадцать тысяч фунтов. Представьте себе изумление моего отца! Он чуть было не отказался от обязанностей душеприказчика, чуть было не выпустил из рук этот великолепный драгоценный камень, доставшийся нашей семье. Всерьез им заинтересовавшись, отец вскрыл запечатанный пакет, хранившийся вместе с брильянтом, и изучил

вложенные в пакет инструкции. Мистер Брафф показал их мне вместе с другими бумагами и, мне кажется, в них содержится ключ к заговору, угрожавшему жизни полковника.

— Вы, стало быть, считаете, что заговор имел место? — спросил я.

— Я, увы, не отличаюсь первоклассным здравым смыслом своего отца, а потому считаю, что жизнь полковника, как он и предполагал, находилась под угрозой, — ответил мистер Франклин. — Наличие запечатанной инструкции свидетельствовало о том, что полковник умер спокойно, в своей постели, ведь в случае его насильственной смерти (то есть в том случае, если от него в назначенный день не пришло письма) отцу надлежало тайно переправить Лунный камень в Амстердам знаменитому гранильщику, чтобы тот разрезал его на четыре или на шесть отдельных камней, которые следовало продать за любую цену, а вырученную сумму потратить на учреждение кафедры экспериментальной химии, упомянутой полковником в завещании. Ну а теперь, Беттередж, напрягите свои находчивые мозги и сообразите, какую цель преследовал полковник своими инструкциями.

Я тотчас напряг свои мозги. Но они отличались английской несобранностью, в них все перепуталось, и мистеру Франклину пришлось их распутывать.

— Обратите внимание, — сказал мистер Франклин, — что жизнь полковника зависела от того, как поступили с брильянтом. Ему мало сказать своим врагам, перед которыми он испытывает ужас: “Убейте меня — и брильянт будет не более доступен, чем теперь. Он там, где вам его не заполучить, — в охраняемой кладовой банка”. Вместо этого он говорит: “Убейте меня — и этот брильянт перестанет быть прежним брильянтом. Его подлинность будет уничтожена”. Как это надо понимать?

И тут (как мне показалось) на меня снизошла несвойственная англичанам прозорливость.

— Это значит, — сказал я, — что цена камня упадет, и негодяи просчитаются.

— Ничего подобного, — сказал мистер Франклин. — Я навел справки. Если брильянт с изъяном разбить на отдельные камни, он будет стоить не дешевле, а дороже, ведь четыре-шесть безупречных брильянта, взятые вместе, более ценны, чем один большой небезупречный брильянт. Если бы заговорщики охотились за Лунным камнем ради денег, то разрезанный на части брильянт был бы более привлекателен для воров, чем целый. За него можно было бы выручить больше денег, да и продать было бы гораздо легче, поскольку на рын-

ке драгоценных камней работа амстердамских мастеров в большой цене.

— Господи помилуй, сэр! — вырвалось у меня. — В чем же в таком случае заключалась цель заговорщиков?

— Заговорщиками были индусы, которым изначально принадлежал брильянт, — сказал мистер Франклин. — В основе заговора — какое-то древнее индуистское поверье. К такому мнению я пришел на основании семейных бумаг, которые и сейчас находятся при мне.

Теперь мне стало ясно, почему мистер Франклин так заинтересовался появлением трех индийских фокусников у нашего дома.

— Не хочу навязывать вам свое мнение, — продолжал мистер Франклин. — История об избранных служителях древнего индуистского культа, поставивших себе цель, невзирая на все сложности и опасности, вернуть при первом же удобном случае принадлежавший им священный камень, вполне, на *мой* взгляд, согласуется с тем, что нам известно о долготерпении народов Востока и о влиянии восточных религий. Я наделен богатым воображением, и для меня реальность не исчерпывается мясниками, булочниками и налоговыми инспекторами. Не будем спорить о том, насколько правдоподобна история, которую я вам изложил. Зададимся лучше единственным практическим вопросом, который касается нас напрямую. Будет ли существовать заговор с целью возвращения Лунного камня *после* смерти полковника? И знал ли об этом заговоре полковник, когда завещал своей племяннице Лунный камень в качестве подарка на день рождения?

Я начинал понимать, что эта история касается миледи и мисс Рейчел, и старался не пропустить ни слова из сказанного мистером Франклином.

— Когда я узнал историю Лунного камня, — сказал мистер Франклин, — мне, признаться, не очень хотелось сюда его везти. Но мистер Брафф напомнил мне, что кто-то же должен передать моей кухне завещанный ей подарок, и почему бы этим человеком не быть мне? Когда я вышел с брильянтом из банка, мне показалось, что за мной следит какой-то смуглый оборванец. Я отправился к отцу за своими вещами и обнаружил у него адресованное мне письмо, которое задержало меня в Лондоне. Я вернулся с брильянтом в банк, и мне опять показалось, что я видел этого же смуглого типа. Когда сегодня утром я вновь забрал из банка брильянт, то увидел этого человека в третий раз. Мне удалось от него скрыться, и я (прежде чем он напал на мой след) выехал сюда утренним поездом вместо дневного. И вот мы с Лунным камнем, целые и невредимые,

приезжаем сюда, и что же я слышу?! Я слышу, что в доме моей тетушки побывали три бродячих индуса и что они, полагая, что их никто не слышит, обсуждали между собой мой приезд из Лондона и *ту вещь*, которую я с собой везу. Не стану тратить время и слова, рассказывая о том, как они выливали чернила мальчику в ладонь и приказывали ему посмотреть на находящегося совсем в другом месте человека и заглянуть к нему в карман. На мой взгляд, да и на ваш тоже, это не более чем ловкость рук (такие проделки я не раз видел на Востоке). Весь вопрос в том, не придаю ли я всей этой ерунде излишне большое значение? Или же этот эпизод свидетельствует о том, что индусы напали на след Лунного камня с той минуты, как я извлек его из банка, где ему ничего не угрожало?

Судя по всему, ни он, ни я отвечать на эти вопросы были не расположены. Мы посмотрели друг на друга, а потом на зыбучие пески, почти полностью залитые набегавшим морем.

— О чем вы думаете? — внезапно прервал молчание мистер Франклин.

— Мне подумалось, сэр, что я бы с удовольствием закопал брильянт в зыбучие пески и покончил с этим делом раз и навсегда, — ответил я.

— Если у вас в кармане хватит денег, чтобы купить Лунный камень, так и скажите, Беттередж, и мы похороним его в песке, — отозвался мистер Франклин.

Любопытное наблюдение: когда у нас беспокойно на душе, помогает самая незатейливая шутка. Мысль о том, чтобы разделаться с законной собственностью мисс Рейчел и усложнить жизнь мистеру Блейку, согласившемуся быть душеприказчиком, показалась нам тогда очень забавной, хотя сейчас я не могу взять в толк, что в этом смешного.

Первым вернулся к предмету нашего разговора мистер Франклин. Он достал из кармана конверт, вскрыл его и протянул мне лежавшую внутри бумагу.

— Беттередж, — сказал он, — мы с вами должны в интересах моей тетушки обсудить, чем руководствовался полковник, решив завещать этот камень племяннице. Припомните, как леди Вериндер относилась к своему брату с того времени, как он вернулся в Англию, и до того дня, когда он сказал вам, что запомнит день рождения племянницы. И прочтите эту бумагу.

И он дал мне выписку из завещания полковника. Когда я пишу эти строки, она лежит передо мной. Переписываю ее для вас:

...Третье и последнее. Дарю и завещаю моей племяннице Рейчел Вериндер, единственной дочери моей сестры Джулии

Вериндер, вдовы, — в том случае, если ее мать, вышеупомянутая Джулия Вериндер, будет жива в следующий после моей смерти день рождения вышеназванной Рейчел Вериндер, — желтый брильянт, принадлежащий мне и известный на Востоке под названием Лунный камень. Поручаю моему душеприказчику, чтобы тот, либо сам, либо с помощью надежного посредника, которого он собственноручно назначит, передал брильянт моей племяннице Рейчел в собственные руки, в следующий после моей смерти день рождения, в присутствии, если это возможно, моей сестры, вышеупомянутой Джулии Вериндер. Желаю, чтобы вышеупомянутая сестра была, посредством заверенной копии, извещена о третьем и последнем пункте моего завещания, из коего следует, что я дарю брильянт ее дочери Рейчел в знак того, что я, полностью и по собственной воле, прощаю сестре тот вред, который она своим поведением причинила моей репутации при моей жизни. А также в доказательство того, что я, как и подобает умирающему, прощаю сестре то оскорбление, которое она нанесла мне как офицеру и джентльмену, когда ее слуга, по ее приказанию, в день рождения ее дочери не пустил меня на порог ее дома.

Далее следовало разъяснение, как должен поступить душеприказчик в том случае, если в день смерти завещателя не будет в живых или миледи, или мисс Рейчел. Согласно запечатанной инструкции, брильянт в этом случае необходимо было отослать в Голландию, деньги же, вырученные за него, предназначались, как и деньги, упомянутые во втором разделе завещания, кафедре химии в одном из северных университетов.

Я вернул мистеру Франклину бумагу в полной растерянности. До сих пор (как вы знаете) я был уверен, что полковник умер столь же нечестиво, как и жил. Не скажу, что, прочитав его завещание, я переменяю свою точку зрения — скорее, усомнился в своей правоте.

— Итак, — сказал мистер Франклин, — что скажете? Ведь теперь вы прочли завещание полковника. Как по-вашему? Доставив Лунный камень тетушке, я слепо служу его мстительности или же оправдываю его как раскаявшегося христианина?

— Нелегко представить себе, сэр, — ответил я, — что он умер с подлым мщением на сердце и с подлой ложью на устах. Истина известна только Господу Богу; *меня* не спрашивайте.

Мистер Франклин комкал в пальцах выписку из завещания, словно надеялся выжать из нее всю правду. Его поведение менялось на глазах: куда девались живость, беззаботность, неприужденность; передо мной сидел тихий, серьезный, задумчивый молодой человек.

— В этом вопросе есть две стороны — объективная и субъективная. С какой начнем? — спросил он.

Мистер Франклин получил не только французское, но и немецкое образование. До сих пор (как мне казалось) он находился под влиянием французов, теперь же, насколько я мог судить, немцы взяли вверх. Я придерживаюсь правила: не замечать того, чего не понимаю, а потому выбрал нечто среднее между объективной и субъективной стороной. А попросту говоря, уставился в одну точку и не произнес ни слова.

— Попробуем разобраться, — сказал мистер Франклин. — Почему мой дядя завещал брильянт Рейчел, а не моей тетушке?

— Догадаться не так уж сложно, — сказал я. — Полковник прекрасно понимал, что *от него* миледи не примет никаких подарков.

— Но ведь могла отказаться и Рейчел?

— Найдется ли на всем белом свете хоть одна молодая девушка, сэр, которая бы отказалась от такого подарка?

— Это субъективная точка зрения, — сказал мистер Франклин. — Похвально, Беттередж, что вы способны на субъективную точку зрения. Но в завещании полковника есть и еще одна тайна, которая не поддается объяснению. Почему, как вы думаете, он дарит Рейчел свой брильянт только при условии, что ее мать жива?

— Не хочу порочить покойника, сэр, — ответил я, — но если он завещал камень племяннице, чтобы от него пострадала ее мать, то ему было важно, чтобы сестра была жива, когда на нее свалятся все беды.

— Так вот какие вы приписываете ему намерения? Опять же субъективное толкование! Вы бывали в Германии, Беттередж?

— Нет, сэр. А как бы вы сами ответили на свой вопрос?

— А не кажется ли вам, — заметил мистер Франклин, — что полковник хотел не одарить племянницу, которую он в глаза не видел, а доказать сестре, что перед смертью он ее простил, причем доказать очень изящно — подарком не ей, а ее дочери. Такое объяснение и субъективно, и объективно и не имеет ничего общего с вашим, Беттередж. А впрочем, насколько я могу судить, одно объяснение ничем не лучше другого.

Придя к этому утешительному выводу, мистер Франклин, по всей вероятности, счел, что его миссия выполнена. Он растянулся на песке и спросил меня, каковы должны быть его дальнейшие шаги.

Прежде чем пуститься в заграничную тарабарщину, он высказывал соображения столь проникательные и дальновидные, был настолько прозорливее меня, что я даже растерялся, — с какой это стати он вдруг обращается за помощью *ко мне?*

Лишь много позже меня на этот счет просветила мисс Рейчел. Ей первой пришло в голову, что резкие перемены в поведении мистера Франклина вызваны его заграничным воспитанием. В том возрасте, когда всем нам свойственно перенимать черты других людей, он был отправлен за границу, переезжал из одной страны в другую, и характер у него так окончательно и не сформировался. Домой поэтому мистер Франклин вернулся существом столь противоречивым, что казалось, он пребывает в постоянном несогласии с самим собой. Он мог быть и деловым человеком, и лентяем, рассеянным и сообразительным, образцом решимости и беспомощности в одно и то же время. Было в нем что-то и от француза, и от немца, и от итальянца; случилось, правда, проступали и исконно английские черты. “Вот видите, — словно бы говорил он, — я неузнаваемо изменился, и все же кое-что от меня прежнего осталось”. Мисс Рейчел не раз повторяла, что, когда у него опускались руки и он с присущим ему обаянием просил собеседника взять ответственность на себя, на итальянца он походил более всего. Вот и теперь итальянец явно взял в нем верх над немцем и французом.

— Сэр, — сказал я, — это вам решать, что теперь делать, а никак не мне.

Мистер Франклин, похоже, не заметил, с какой настойчивостью прозвучали мои слова. Да и неудивительно, ведь он лежал на спине и не замечал ничего, кроме неба над головой.

— Не хочу пугать тетушку без достаточных оснований, — сказал он. — Но держать ее в неведении также не входит в мои планы. Скажите, Беттередж, в двух словах, как бы на моем месте поступили вы?

— Подождал бы, — ответил я в двух словах, как он и просил.

— Прекрасно, — одобрил мое предложение мистер Франклин. — И сколько, по-вашему, придется ждать?

— Насколько я понимаю, сэр, — сказал я, — кто-то же должен будет вложить в руку мисс Рейчел в день ее рождения этот злосчастный брильянт. Почему бы это не сделать вам? Итак, сегодня двадцать пятое мая, ее день рождения двадцать первого июня. В нашем распоряжении без малого четыре недели. Давайте повременим и посмотрим, что за это время произойдет. И в зависимости от обстоятельств либо предудим миледи, либо нет.

— Превосходно, Беттередж! — воскликнул мистер Франклин. — Но как поступить с брильянтом до ее дня рождения?

— Точно так же, как поступил ваш отец, сэр, — ответил я. — Ваш отец сдал его в банк в Лондоне, а вы сдайте Лунный камень в банк в Фризингхолле. (Фризингхолл — ближайший к нам город, и фризингхольский банк не менее надежен, чем

Английский.) На вашем месте, сэр, — добавил я, — я бы прямо сейчас, до возвращения миледи и ее дочери, взял брильянт, сел на лошадь и отправился в Фризингхолл.

Мистер Франклин мгновенно вскочил — ехать, да еще верхом, он готов был куда угодно. И не только поднялся на ноги сам, но и поднял меня.

— Беттередж, нет вам цены! — закричал он. — Пойдемте же скорей и велите оседлать лучшую лошадь в конюшне.

Тут (слава Богу) с него спал весь его заграничный лоск, передо мной стоял англичанин до мозга костей. Тот самый добрый старый мистер Франклин, который никогда не мог себе отказать в поездке верхом и который напоминал мне добрые старые времена. Оседлать ему лошадь? Да я оседлал бы ему дюжину лошадей, если б только он мог управлять всей дюжиной одновременно!

Мы отправились не мешкая домой, не мешкая оседлали самую резвую лошадь во всей конюшне, и мистер Франклин не мешкая ускакал, дабы в очередной раз припрятать в банковский сейф окаянный желтый брильянт. Когда стих топот копыт по гравиевой дорожке и когда, осмотревшись, я понял, что вокруг, кроме меня, никого нет, я чуть было не задался вопросом, не привиделось ли мне все это во сне.

7

В это самое время, когда я пребывал в растерянности и больше всего нуждался в уединении, чтобы привести в порядок свои чувства, передо мной выросла моя дочь Пенелопа (как вырастала передо мной на лестнице ее покойная мать) и сразу же потребовала, чтобы я рассказал ей, о чем шел у меня разговор с мистером Франклином. В нынешних обстоятельствах выход был только один: незамедлительно накрыть гасильником вспыхнувшее ярким пламенем любопытство Пенелопы. Что я и сделал: ответил, что мы долго говорили с мистером Франклином о политике, отчего нас так разморило, что мы и сами не заметили, как заснули, пригревшись на солнышке. Дайте подобный ответ жене или дочери, когда они в очередной раз пристанут к вам с неуместным вопросом в неуместное время, и вы увидите, что по природной женской кротости они вас от души расцелуют — и при первом же удобном случае вновь обратятся с тем же вопросом.

С наступлением вечера из гостей вернулись миледи и мисс Рейчел.

Нет нужды говорить, как они удивились, когда услышали, что в их отсутствие приехал мистер Франклин Блейк — и в

скором времени, вскочив в седло, уехал вновь. Нет также нужды говорить, что и *они*, в свою очередь, стали задавать неуместные вопросы и что “разговоры о политике” и “крепкий сон” на берегу *их*, в отличие от Пенелопы, нисколько не убедили. В результате, не придумав ничего лучше, я сказал, что приезд мистера Франклина дневным поездом — очередная его причуда, не более того. Когда же миледи поинтересовалась, можно ли внезапный отъезд верхом также приписать причудам мистера Франклина, я ответил: “Именно так” и, как мне показалось, с честью вышел из неловкой ситуации.

Увы, вернувшись к себе в комнату, я оказался в положении еще более затруднительном. Пенелопа не заставила себя ждать: вошла, с природной женской кротостью меня поцеловала и с природным же любопытством представительницы слабого пола задала очередной вопрос. На этот раз ей хотелось знать только одно — что происходит с нашей второй горничной Розанной Спирмен.

Расставшись с мистером Франклином и со мной на зыбучих песках, Розанна, как выяснилось, вернулась домой сама не своя. Если верить Пенелопе, она всякую минуту менялась в лице, то принималась беспричинно веселиться, то — и тоже без всякой причины — ударялась в слезы. Задавала Пенелопе сотни вопросов о мистере ФранкLINE Блейке; когда же моя дочь высказала предположение, что сей неведомый джентльмен как будто бы вызывает у Розанны некоторый интерес, очень на нее рассердилась. Служанка видела, как Розанна с загадочной улыбкой выводит имя мистера Франклина на дне своей шкатулки с рукоделием. Как стоит перед зеркалом со слезами на глазах и смотрит на свое скособоченное плечо. Была ли она знакома с мистером Франклином? Об этом не могло быть и речи! Слышала ли о нем? И об этом тоже не могло быть речи. Свидетельствую: мистер Франклин и в самом деле удивился, когда заметил, что девушка не сводит с него глаз. Да и Пенелопа не даст соврать: о мистере ФранкLINE Розанна расспрашивала с неподдельным любопытством. Наш затянувшийся разговор закончился неожиданно: моя дочь высказала самую чудовищную гипотезу, какую мне доводилось слышать.

— Отец, — сказала она без тени улыбки, — Розанна влюбилась в мистера Франклина Блейка с первого взгляда! Другого объяснения и быть не может!

Вы наверняка слышали о юных красотках, что влюбляются с первого взгляда, — ничего необычного в этом нет. Но чтобы горничная из исправительного заведения, дурнушка, да еще скособоченная, влюбилась с первого взгляда в джент-

льмена, приехавшего с визитом к ее госпоже, — *такого* не прочтешь даже в самом фантастическом романе! Я хохотал так, что слезы выступили у меня на глазах. Пенелопе мой смех почему-то не понравился.

— Вот уж не думала, отец, что вы так жестокосердны, — произнесла она вкрадчивым голоском и с этими словами вышла из комнаты.

Меня словно ледяной водой окатили. Надо же было так разволноваться! Я себе этого не простил, но тут уж ничего не поделаешь. Давайте, если позволите, переменим тему. Очень сожалею, что пишу об этом, но, как вы увидите из дальнейшего, у меня были на то основания.

Из Фризингхолла мистер Франклин вернулся только к вечеру, когда уже прозвенел звонок, возвещавший, что пора переодеваться к обеду. Я сам отнес горячую воду к нему в комнату в надежде первым услышать, чем было вызвано его столь долгое отсутствие. Однако, к моему величайшему разочарованию (полагаю, и к вашему тоже), с ним не случилось ровным счетом ничего. С индусами мистер Франклин не встретился ни по дороге в город, ни на обратном пути. Лунный камень он передал в банк, обмолвившись, что вещь эта очень ценная и дорогая, и взамен получил расписку, которую спрятал в карман. Вниз я спустился в неважном настроении: история с брильянтом, о котором сегодня было столько разговоров, по-хоже, кончилась ничем.

Как прошла встреча мистера Франклина с тетушкой и кухней, мне неизвестно.

Я бы многое дал, чтобы в тот вечер подавать на стол. Но при моем положении в доме прислуживать за обедом (за исключением больших семейных празднеств) значило бы уронить себя в глазах прислуги, что миледи не раз ставила мне на вид. А потому известия о том, что происходило в тот вечер в “заоблачных высях”, не дошли бы до меня, если б не Пенелопа и лакей. Пенелопа сообщила мне, что мисс Рейчел никогда еще не уделяла столько внимания своей прическе и была необыкновенно весела и хороша собой. Лакей же сообщил, что за все время исполнения своих обязанностей ему ни разу не приходилось так тяжело, как в этот вечер, когда надо было обслуживать мистера Франклина Блейка и при этом сохранять в присутствии вышестоящих почтительную серьезность. Окна на террасу стояли открытые, и какое же удовольствие было слушать, как господа, встав из-за стола, поют дуэтом! Мистер Франклин брал высоко, мисс Рейчел еще выше, а сидевшая за фортепиано миледи неслась за ними точно вскачь. Когда кон-

церт кончился, я отнес мистеру Франклину в курительную комнату содовой и бренди и обнаружил, что мисс Рейчел вскружила ему голову, да так, что он напрочь забыл о брильянте.

— С тех пор как я вернулся в Англию, — повторял он бессчетное число раз, — более очаровательная девушка мне не встретилась ни разу.

Все мои попытки завести разговор на тему более серьезную, ни к чему не привели.

Около полуночи я вместе со своим помощником (Сэмюэлем, лакеем) обошел, по обыкновению, дом и запер все двери, кроме одной, боковой, выходящей на террасу, после чего, отослав Сэмюэля спать, вышел подышать свежим воздухом, перед тем как лечь самому.

Ночь выдалась тихая и душная, взошла полная луна. На улице было так тихо, что изредка до меня доносился едва слышный шум моря, которое накатывалось на песок в нашей маленькой бухте. На террасе было темно, а вот гравиевая дорожка, тянувшаяся вдоль дома, была залита лунным светом. Я посмотрел на небо, а потом на дорожку и увидел в свете луны тень человека, стоявшего за углом дома.

Я стар и осторожен и окликнуть незнакомца поостерегся. Но я ведь еще и грузен, а потому гравий захрустел у меня под ногами и меня выдал. Не успел я завернуть за угол, как услышал топот ног, их было несколько, и все они были проворнее моих. Стоило мне приблизиться, как шаги поспешно удалились. К тому времени как я дошел до угла дома, нарушители спокойствия, кто бы они ни были, скрылись в кустах по другую сторону дорожки, и за густыми деревьями их было не разглядеть. В темноте им ничего не стоило выбраться из кустов, перелезть через забор и выйти на дорогу. Будь я лет на сорок моложе, я, быть может, и сумел бы их догнать. В моем же возрасте мне ничего другого не оставалось, кроме как вернуться в дом и послать в погоню за ними пару ног моложе моих. Мы с Сэмюэлем решили никого не будить, взяли пару ружей, обошли вокруг дома и обшарили кусты. Удостоверившись, что в кустах и за деревьями никто не прячется, мы повернули обратно. На дорожке, где я недавно увидел тень, мне попался на глаза какой-то блестящий предмет. Я поднял его — это оказалась бутылочка с густой, черной, как чернила, жидкостью со сладковатым запахом.

Сэмюэлю я ничего не сказал, но, вспомнив, что рассказала мне Пенелопа про фокусников и про то, как они наливали чернила мальчику на ладонь, я сразу же догадался, что спугнул трех индусов, которые бродили вокруг дома, стараясь с присущим им восточным коварством разузнать, где этой ночью находится брильянт.

Позволю себе ненадолго отвлечься от своего рассказа.

[228]

ил 2/2023

Обратившись к собственным воспоминаниям, а также к дневнику Пенелопы, я прихожу к выводу, что мы вполне можем не задерживаться на том промежутке времени, что отделяет приезд мистера Франклина Блейка от дня рождения мисс Рейчел. Дни сменялись днями, и ничего достойного упоминания не происходило. Вот почему, с вашего разрешения и с помощью Пенелопы, упомяну здесь лишь некоторые события, к повествованию же день за днем вернусь, когда Лунный камень станет в нашем доме предметом всеобщего внимания.

Ну а теперь продолжим наш рассказ с той минуты, когда я поздней ночью обнаружил на гравиевой дорожке бутылку чернил со сладковатым запахом.

На следующее утро (двадцать шестого мая) я показал мистеру Франклину эту загадочную бутылку и рассказал то, что уже рассказывал вам. Он счел, что индусы не только рыскали по парку в поисках брильянта, но, по глупости, верили в собственное колдовство: в знаки над головой, в чернила, которые они выливали мальчику на ладонь в надежде, что он увидит людей и предметы, находящиеся далеко отсюда. Мистер Франклин сообщил мне, что эти фокусники существуют и у нас, и на Востоке и что подобное надувательство (за исключением чернил) они называют каким-то французским словом, означающим нечто вроде ясновидения.

— Уверю вас, — сказал мистер Франклин, — индусы убеждены, что мы храним брильянт здесь, они привезли с собой ясновидящего мальчика, и тот, если бы фокусникам удалось вчера вечером проникнуть в дом, показал бы им, где брильянт находится.

— Вы полагаете, сэр, что злоумышленники возобновят поиски? — спросил я.

— Это зависит от того, на что мальчик способен. Если он сумеет разглядеть брильянт сквозь дверцы металлического сейфа в фризингхольском банке, то мы будем до поры до времени избавлены от их посещений. Если же нет, то не пройдет и нескольких дней, как у нас появится еще один шанс обнаружить их в кустах.

Я ожидал, что именно так оно и будет, но, странное дело, визит индусов больше не повторился.

То ли до фокусников дошли слухи, что мистера Франклина видели в банке, и они сделали соответствующие выводы; то ли мальчик действительно увидел, где сейчас хранится

брильянт (во что я совершенно не верю); то ли все произошло по чистой случайности — но факт остается фактом: за те четыре недели, что оставались до дня рождения мисс Рейчел, ни один индус ни разу возле нашего дома не появился. Фокусники демонстрировали свое искусство в городе и за его пределами, мы же с мистером Франклином терпеливо ждали, чем эта история кончится, решив, чтобы не вызвать у индусов подозрений, не предпринимать против них никаких действий. Больше мне покамест об индийских фокусниках сказать нечего.

Двадцать девятого мая мисс Рейчел и мистер Франклин придумали, как им проводить время, которое в противном случае им некуда было бы девать. Имеет смысл обратить особое внимание на то, что составляло их досуг, ибо их тогдашние занятия имеют самое непосредственное отношение к тому, что произойдет в дальнейшем.

Если что и осложняет, причем существенно, жизнь благородного сословия — так это праздность. Вся жизнь знати проходит в постоянных поисках какого-нибудь дела, и забавно бывает наблюдать за тем, как часто — особенно если у господ есть вкус к тому, что принято называть “интеллектуальной деятельностью”, — они слепо, без разбора, увлекаются невесть чем. В девяти случаях из десяти они принимают или калечить какое-то несчастное существо, или портить какую-то вещь, при этом они убеждены, что тем самым самосовершенствуются, тогда как на самом деле лишь переворачивают все вверх дном. Мне не раз приходилось видеть, как они (и, к огромному сожалению, не только джентльмены, но и дамы), прихватив пустые склянки от пилюль, отправляются ловить тритонов, жуков, пауков, лягушек и прочих несчастных тварей, которых они по возвращении домой без малейших угрызений совести насаживают на булавки или режут на мелкие кусочки. Вы становитесь свидетелями того, как ваш юный хозяин или ваша юная госпожа разглядывают внутренности пауков в увелечительное стекло, или же вам встречаются на лестнице обезглавленные ими лягушки. Когда же вы недоумеваете, к чему такая кровожадность, вам отвечают, что ваш юный господин или ваша юная госпожа интересуются естественными науками. Иной раз вы видите, как они, вооружившись какими-то острыми инструментами, из чистого любопытства уродуют прекрасный цветок — должны же они знать, как он устроен! Можно подумать, что, если они *будут это знать*, цветок станет красивее и ароматнее. Что тут скажешь? Нужно же бедным молодым людям провести время, *как-то* провести время! Вы копались в грязи и лепили из нее пирож-

ки, когда были ребенком; теперь, когда вы выросли, вы копаетесь в грязных науках — режете пауков и уродуете цветы. А все потому, что вашей бедной, пустой голове не о чем думать, вашим праздным ручкам нечем себя занять. Кончится тем, что вы измажете красками полотно, от чего провоняет весь дом, или в стеклянном ящике с грязной водой разведете головастиков, отчего всех в доме вывернет наизнанку. Или натолчете камень и приправите каменной крошкой провизию. Или же, чего доброго, займетесь фотографией: перепачкаетесь с ног до головы и до неузнаваемости исказите лица своих домочадцев. Людям, которые вынуждены трудиться, чтобы иметь крышу над головой, чтобы было, что съесть и во что одеться, — спору нет, приходится нелегко. Но сравните самую тяжелую работу, которая вам досталась, с бездельем, от которого страдают ни в чем не повинные цветы и пауки, в чьих желудках вы копаетесь, — и радуйтесь, что вашей голове есть, о чем подумать, а вашим рукам — чем себя занять.

Рад сообщить, что мистер Франклин и мисс Рейчел никого не мучили. Ограничились они лишь тем, что устроили в доме ужасный беспорядок, испортили же — отдадим им справедливость — всего-навсего дверь, да и то только одну.

Универсальный гений мистера Франклина распространялся на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на то, что он называл “декоративной живописью”. Он сообщил нам, что изобрел новый способ разведения краски, которую назвал “составом”. Из чего этот состав делался, мне неизвестно. А вот чем отличался, сказать могу: он издавал тошнотворный запах. Поскольку мисс Рейчел не терпелось новый состав испробовать, мистер Франклин послал в Лондон за материалами, смешал их и добился такого запаха, что даже собаки чихали, когда входили в комнату. Он надел на мисс Рейчел фартук и заставил расписывать ее собственную маленькую гостиную, прозванную, за неимением английского слова, “будуаром”. Начали они с внутренней стороны двери. Мистер Франклин счистил с нее пемзой всю лакировку, дабы, как он выразился, “наметить фронт работ”. Потом мисс Рейчел под его началом и с его помощью покрыла поверхность двери узорами и фигурами — грифонами, птицами, цветами, купидонами и прочими подобными существами, скопированными с рисунков знаменитого итальянского живописца, имени которого я не запомнил; того, кто специализировался на мадоннах и был влюблен в булочницу. Работа продвигалась медленно, зато грязи было хоть отбавляй. Но наших молодых людей это, по всей видимости, нисколько не смущало — увлеклись они не на шутку. Когда они не катались верхом, не ходили в гости, не

сидели за столом и не музицировали, они трудолюбиво и неустанно, точно пчелы, в четыре руки уродовали дверь. Какой это поэт сказал, что сатана всегда найдет, чем занять праздные руки? Занимай этот поэт вместо меня место дворецкого в доме миледи и наблюдая за тем, как орудует кистью мисс Рейчел и обрабатывает дверь своим “составом” мистер Франклин, — и он бы убедился в своей правоте.

А теперь перенесемся в воскресенье 4 июня, этот день также заслуживает упоминания.

В тот вечер мы в людской первый раз обсудили ситуацию в доме, каковая, как и разрисованная дверь, скажется на том, что произойдет в дальнейшем.

Мы видели, какое удовольствие мистер Франклин и мисс Рейчел получают от общества друг друга, какую прекрасную пару составляют, а потому сочли, что было бы хорошо, если б они не только вместе разрисовывали дверь в гостиной. Иные из нас предсказывали даже, что свадьбу сыграют еще до наступления осени. Другие (во главе со мной) признавали, что мисс Рейчел и впрямь может в скором времени выйти замуж, однако сомневались (по причинам, о которых вы вскоре узнаете), что ее женихом будет мистер Франклин Блейк.

А в том, что мистер Франклин Блейк был влюблен, ни у кого из видевших и слышавших его не оставалось ни малейших сомнений. Понять же, что думает на этот счет мисс Рейчел, было сложнее. Позвольте мне познакомить вас с ней, после чего я предоставлю вам самим разгадать — если сможете — ее чувства.

Двадцать первого июня моей юной госпоже исполнялось восемнадцать лет. Если вам нравятся брюнетки (которые, я слышал, вышли из моды) и если к невысоким женщинам вы относитесь без предрассудков, то могу поручиться: краше девушки, чем мисс Рейчел, вам никогда видеть не доводилось. Она была мала ростом и стройна, и все, с головы до пят, было в ней соразмерно. Всякому человеку в здравом уме достаточно было увидеть, как она садится, как встает, тем более — как двигается, чтобы прийти к заключению, что своей неопикуемой грации она обязана (я нисколько не преувеличиваю) фигуре, а вовсе не нарядам. Волосы у нее были черные, как смоль, глаза — под стать волосам, носик, надо признать, мог бы быть и побольше, зато к ее рту и подбородку (процитирую мистера Франклина) не могли бы придраться даже боги, а цвет лица (по мнению того же непререкаемого авторитета) был ослепителен, как солнце, с тем огромным преимуществом над светилом, что, в отличие от солнца, которое не толь-

ко всходит, но и заходит, от ее личика нельзя было ни на минуту отвести глаз. Прибавьте к этому, что держалась она прямо, ходила стремительно, с высоко, горделиво поднятой головой, что говорила звучным, мелодичным голосом, что улыбка, прежде чем появиться на губах, сквозила у нее в глазах, — и вы получите ее подлинный портрет, пусть и в моем несовершенном исполнении.

А каков был ее нрав? Неужели, спросите вы, у этого прелестного создания не было недостатков? Недостатков, читатель, у нее было ровно столько же, сколько и у вас, — ни больше ни меньше.

Замечу со всей серьезностью: моя дорогая, очаровательная мисс Рейчел, обладая бездной достоинств, имела один недостаток, который я из соображений беспристрастности не могу обойти молчанием. От многих девушек ее возраста она отличалась тем, что руководствовалась исключительно собственными убеждениями и была столь упряма, что шла наперекор моде, если мода шла наперекор ее вкусу. В мелочах независимость ее суждений была прощительна, но в важных вещах мисс Рейчел заходила порой (по мнению миледи, да и на мой взгляд тоже) слишком далеко. Она рассуждала так трезво, как не способны рассуждать женщины вдвое старше нее, ни к кому не обращалась за советом, никогда не говорила заранее, что собирается предпринять, никому — даже матери — не выдавала своих девичьих секретов. В делах малых и больших, общаясь с людьми, которых она любила и которых ненавидела (тех и других с одинаковым прямодушием), мисс Рейчел всегда поступала по-своему, и в радостях, и в горестях полагалась только на себя. “Лучший друг и злейший враг Рейчел — она сама!” — не раз повторяла миледи.

Назову, прежде чем закончить, и еще одну ее особенность.

При всей ее скрытности и своеволии не было в ней и тени фальши, не припомню, чтобы она хоть раз нарушила слово, сказала “нет”, когда на уме было “да”. Помню, что в детстве сия добрая душа всегда брала вину на себя и подвергалась наказанию за проступок, совершенный любимой подружкой. Никто никогда не слышал, чтобы она, когда правда выходила на поверхность и ей предъявляли обвинение, призналась в содеянном. Но и до лжи не опускалась. Посмотрит вам прямо в глаза, покачает своей дерзкой головкой и вымолвит: “Я вам все равно не скажу”. Ее снова накажут, она попросит прощения за “все равно”, но даже если ее посадят на хлеб и воду, ни за что подругу не выдаст. Да, своенравная, порой дьявольски своенравная — с этим не поспоришь, и тем не менее на всем белом свете не найдется человека лучше нее. Быть может, вы

видите в этом некоторое противоречие? В таком случае позвольте шепнуть вам кое-что на ухо. Присмотритесь-ка повнимательнее к вашей жене. И если за весь день ваша благоверная ни разу себе не противоречит, так и знайте — в жены вы взяли монстра, и да поможет вам Бог!

Теперь, когда я познакомил вас с мисс Рейчел, расскажу, какие у этой девицы имелись виды на замужество. Двенадцатого июня моя госпожа отправила в Лондон одному джентльмену приглашение приехать на день рождения мисс Рейчел. Я полагал, что сему счастливейшему из смертных было отдано ее сердце. Как и мистер Франклин, он приходился ей кузеном. Звали лондонского кузена мисс Рейчел мистер Годфри Эйблудайт.

Вторая сестра миледи (не пугайтесь, в этот раз мы не станем слишком глубоко вдаваться в историю этой семьи) испытала разочарование в любви, после чего, пожелав выйти замуж во что бы то ни стало, совершила мезальянс. Когда высокородная Кэралайн настояла на том, чтобы обвенчаться с мистером Эйблудайтом, фризингхоллским банкиром, возмущению в семье не было предела. И это притом что ее муж был очень богат, весьма уважаем и произвел на свет целый выводок детей, что, вне всяких сомнений, делает ему честь. Но посредством брака он вздумал добиться высокого положения, и это его не украсило. Однако Время и успехи современного просвещения поправили дело, и неравный брак в конечном счете себя оправдал. Теперь у нас у всех широкие взгляды (я ведь уступил вам, вот и вы уступите мне), и какая мне разница, член вы парламента или нет, мусорщик вы или маркиз? Таков современный взгляд на мир, и я придерживаюсь этого взгляда. Эйблудайты, очень достойные, уважаемые в округе люди, жили в окрестностях Фризингхолла в прекрасном доме с парком. Из всех Эйблудайтов нас с вами, собственно, интересует лишь мистер Годфри, второй сын мистера Эйблудайта, ибо к мисс Рейчел он имеет самое непосредственное отношение.

При всем своем блеске, уме, при всех своих неоспоримых достоинствах мистер Франклин, на мой взгляд, проигрывал в глазах нашей юной леди мистеру Годфри по всем статьям.

Начать с того, что мистер Годфри был гораздо выше ростом своего соперника. Росту в нем было больше шести футов; это был румяный, полнолицый, чисто выбритый господин с длинными, небрежно спадающими на затылок льняными волосами. Но к чему мне так обстоятельно описывать его? Если вы когда-нибудь делали пожертвования в пользу “Женской благотворительности”, то мистера Годфри Эйблудайта вы знаете ничуть не

хуже, чем я. Он был адвокатом по профессии, дамским угодником по темпераменту и добрым самаритянином по наклонностям. Женское добросердечие и женская нищета обойтись без него не могли. В материнских обществах по обеспечению бедных рожениц, в обществах Святой Магдалины, спасающих бедных женщин от порока, в обществах, настойчиво стремящихся брать на работу бедных женщин вместо бедных мужчин, вынужденных самим о себе заботиться, — он состоял вице-президентом, директором, третейским судьей. Не было ни одного собрания женского благотворительного общества, где бы во главе стола не восседал с шляпой в руке мистер Годффри, он умело сдерживал горячность сердобольных дам и вел их по тернистым деловым путям. Убежден: то был самый квалифицированный филантроп (скромного достатка) из родившихся на английской земле. Никто не мог сравниться с ним в искусстве выжимать своими душещипательными речами слезы и деньги у собравшихся на благотворительных вечерах. Это был прирожденный общественный деятель. Последний раз когда я был в Лондоне, моя госпожа развлекла меня дважды: отправила в театр полюбоваться на знаменитую танцовщицу и в Эксетер-холл — послушать мистера Годффри. Танцовщица выступала с оркестром. Мистер Годффри — с носовым платком и стаканом воды. Язык мистера Годффри вызывал не меньший фурор, чем ножки танцовщицы. И в то же время не было человека (я имею в виду мистера Годффри) более кроткого и невзыскательного. Он любил всех. И все любил *его*. Разве мог мистер Франклин, да и любой человек средних способностей и небезупречной репутации, сравниться с таким джентльменом, как мистер Годффри?!

Четырнадцатого числа от мистера Годффри пришел ответ.

Он принял приглашение моей госпожи, пообещав пробить у нее в доме со среды (со дня рождения) до вечера пятницы, когда обязательства по делам дамской благотворительности потребуют его возвращения в столицу. В письмо он вложил стихи, которые изящно назвал “День ваших именин”. Мне сообщили, что мисс Рейчел вкупе с мистером Франклином потешались за обедом над этим поэтическим творением. Пенелопа же — она была всецело на стороне мистера Франклина — от души торжествуя, поинтересовалась, что на сей счет думаю я.

— Мисс Рейчел водит тебя за нос, дорогая, — ответил я, — но меня не проведешь. Подождем, пока вслед за стихами мистера Эйблуайта не появится сам мистер Эйблуайт.

На это дочь мне ответила, что до приезда мистера Эйблуайта у мистера Франклина хватит времени попытать счастья. И действительно, мистер Франклин зря времени не терял,

делал все возможное, чтобы заслужить благосклонность мисс Рейчел.

Более заядлого курильщика, чем мистер Франклин, я в жизни своей не встречал, однако ж, стоило мисс Рейчел однажды заявить мистеру Франклину, что она не выносит затхлый запах табака, которым пропах его сюртук, и он тут же выбросил сигару. После этого самоотверженного поступка, лишившись успокоительного действия табака, без которого он жить не мог, он каждое утро спускался к завтраку с таким изнуренным и несчастным видом, что мисс Рейчел сама попросила его закурить сигару. Но нет! Никогда более не вернется он к тому, что может вызвать у нее хотя бы минутное неудовольствие; он будет и впредь изо всех сил бороться со своей дурной привычкой, и рано или поздно воля и терпение позволят ему справиться с бессонницей. Подобная самоотверженность, скажете вы (как сказали и мы в людской), не могла не произвести надлежащего действия на мисс Рейчел, тем более что и он и она продолжали сообща каждодневно расписывать дверь в ее будуаре. А между тем у нее в спальне висела фотография мистера Годфри, снятая на благотворительном митинге: волосы развиваются от порыва собственного красноречия, глаза призывно сверкают — не захочешь, а полезешь в карман за воздаянием. Что тут скажешь? Каждое утро (сообщила мне под большим секретом Пенелопа) с фотографии взирал на мисс Рейчел, когда та расчесывала свои кудри, юный джентльмен, без которого не могла обойтись ни одна женщина. И совсем скоро (замечу я) этот юный джентльмен будет взирать на нее воочию.

Шестнадцатого июня произошло событие, после которого шансы мистера Франклина на успех пали ниже некуда.

В то утро к нам приехал незнакомый джентльмен; по-английски он говорил с акцентом и заявил, что у него к мистеру Франклину дело. Дело это вряд ли имело отношение к бриллианту, во-первых, потому что мистер Франклин ничего мне об этом не сказал, а, во-вторых, после отъезда иностранца он сообщил об их разговоре миледи, а та, насколько мне известно, — своей дочери. Как бы то ни было, до меня дошли слухи, что вечером того же дня, сидя за пианино, мисс Рейчел строго выговорила мистеру Франклину: он, дескать, якшался за границей бог знает с кем, да и правила поведения, которые он усвоил в Европе, никуда не годятся. На следующий день дверь впервые за последнее время не расписывалась. Подозреваю, что мистер Франклин совершил в Европе какой-то опрометчивый поступок (связь с женщиной, денежный долг), который ему припомнили по возвращении в Англию. Впро-

чем, это не более чем догадка. На этот раз не только мистер Франклин, но и моя госпожа (редкий случай) предпочли держать меня в неведении.

[236]

ил 2/2023

Семнадцатого числа туча, судя по всему, вновь рассеялась. Молодые люди опять занялись дверью, и, казалось, дружеские отношения восстановлены. Если верить Пенелопе, мистер Франклин, воспользовавшись примирением, сделал мисс Рейчел предложение, на что девушка не ответила ни согласием, ни отказом. Моя дочь не сомневалась (по некоторым признакам, о которых здесь нет нужды распространяться), что ее юная госпожа уклонилась от предложения мистера Франклина, ибо сочла его несерьезным, а потом втайне пожалела, что обошлась с ним подобным образом. Хотя Пенелопу связывали с мисс Рейчел, с которой они вместе воспитывались, отношения более близкие, чем бывают обычно между госпожой и служанкой, я слишком хорошо знал сдержанный нрав юной госпожи, чтобы поверить в подобную откровенность с ее стороны. Пенелопа, скорее всего, принимала желаемое за действительное.

Девятнадцатого числа произошло еще одно событие. К нам приезжал доктор, мы вызвали его к нашей второй горничной Розанне Спирмен, о которой уже шла речь на этих страницах.

С тех пор как я отправился за бедной девушкой на зыбучие пески, она не раз приводила меня в замешательство. Мнение Пенелопы, что Розанна влюблена в мистера Франклина (мнение, которое моя дочь, по моему приказанию, держала в тайне), по-прежнему представлялось мне совершенно надуманным. В то же время должен сказать начистоту: наша вторая горничная, с которой не спускали глаз ни я, ни Пенелопа, последнее время вела себя более чем странно.

Девушка, например, постоянно попадалась мистеру Франклину на глаза, причем подстраивала эти встречи очень умело и незаметно, так, будто происходили они случайно. Он же обращал на нее не больше внимания, чем на кошку, ему и в голову не приходило хотя бы мельком бросить взгляд на ничем не примечательное лицо Розанны. Девушка и всегда-то ела мало, теперь же аппетит у нее и вовсе пропал; пропал и сон: утром по ее глазам, изможденному взгляду видно было, что по ночам она просыпается и плачет. Однажды Пенелопа сделала любопытное открытие, о котором мы с ней никому не сказали. Она застала Розанну возле туалетного столика мистера Франклина: девушка украдкой подменила розу, которую подарила ему мисс Рейчел, чтобы он носил ее в петлице сюртука, на точно такую же, но сорванную ею самой. В ответ

на мою вполне доброжелательную рекомендацию вести себя осторожнее Розанна пару раз мне дерзила. И не только мне: не слишком почтительно, что уж совсем никуда не годится, она отвечала Рейчел, когда та по случаю к ней обращалась.

Миледи заметила, что с Розанной творится что-то неладное, и спросила меня, что я об этом думаю. Я постаралась выгородить нашу горничную, ответив, что мне кажется, она не совсем здорова. Кончилось тем, что девятнадцатого числа, как уже говорилось, послали за доктором, и тот сказал, что у девушки расстроены нервы, и дал понять, что ей следовало бы отказать от места. Миледи предложила отправить Розанну на одну из наших отдаленных ферм в надежде, что перемена обстановки пойдет ей на пользу. Однако Розанна со слезами на глазах взмолилась оставить ее на прежнем месте, и я — черт меня дернул! — посоветовал миледи с этим решением повременить. Как показали дальнейшие события и как вы вскоре сами убедитесь, худшего совета я дать не мог. Загляни я хотя бы на несколько дней вперед, и я бы собственными руками выдворил Розанну Спирмен из нашего дома.

Двадцатого числа от мистера Годфри пришла записка: он предполагал остановиться на ночь в Фризингхолле у отца, к которому у него было какое-то дело. На следующий день он и две его старшие сестры должны были приехать к нам верхом задолго до обеда. К записке была приложена изящная фарфоровая шкатулка от ее кузена с любовью и лучшими пожеланиями в день рождения. Что же касается мистера Франклина, то он подарил кухне самый незамысловатый медальон, обошедшийся ему вдвое дешевле шкатулки. Однако моя дочь Пенелопа — ибо таково женское упрямство — продолжала, не смотря ни на что, верить в его успех.

Слава Богу, мы дошли наконец до дня рождения. На этот раз, согласитесь, я не слишком отвлекался по пути. Радуйтесь: следующая глава, обещаю, введет вас в самую суть дела.

Эпилог

Глава 3

Лунный камень найден

1. Показания подчиненного сержанта Каффа (1849)

Двадцать седьмого июня прошлого года я получил указание от сержанта Каффа установить слежку за тремя людьми, по

описанию индусами, которые подозревались в убийстве. В то утро видели, как они садятся на пароход, отплывающий с Тауэрской пристани в Роттердам.

Из Лондона я отплыл днем позже, двадцать восьмого числа, в четверг, на пароходе другой компании, следовавшем тем же курсом. По прибытии в Роттердам мне удалось найти капитана парохода, ушедшего в среду, и он сообщил мне, что индусы действительно были пассажирами на его корабле — но только до Грейвзэнда. В Грейвзэнде один из трех индусов, видимо, их главарь, осведомился, в котором часу они придут в Кале. Узнав, что пароход идет в Роттердам, индус выказал величайшее удивление и огорчение: он и его друзья ошиблись. Они готовы (сказал он) пожертвовать деньгами, заплаченными за проезд, если капитан высадит их на берег. Войдя в положение иностранцев, оказавшихся в чужой стране, и не имея никаких оснований удерживать их на борту, капитан вызвал с берега лодку, и трое индусов покинули пароход.

Поскольку поступок индусов с очевидностью свидетельствовал о том, что они стремятся запутать следы, я, не теряя времени, вернулся в Англию. Сойдя с парохода в Грейвзэнде, я выяснил, что из Грейвзэнда индусы уехали в Лондон. В Лондоне мне стало известно, что они уехали в Плимут. Розыски в Плимуте показали, что сорок восемь часов назад они отплыли в Бомбей на корабле “Бьюли Касл” Ост-Индской компании.

Получив эти известия, сержант Кафф дал знать бомбейским властям сухопутной почтой, чтобы полиция, немедленно по прибытии корабля в гавань, его обыскала.

Больше я к этому делу никакого касательства не имел и о том, как развивались события, ничего не знаю.

2. Показания капитана (1849)

По просьбе сержанта Каффа, сообщаю в письменном виде некоторые факты, касающиеся трех человек (предположительно индусов), пассажиров корабля “Бьюли Касл”, направленного под моей командой прямым рейсом в Бомбей.

Индусы сели на мой корабль этим летом в Плимуте. Во время плавания никаких жалоб на их поведение не поступало. Их каюта находилась в носовой части корабля. Мне на глаза они попадались считанное число раз.

В конце нашего путешествия мы, к несчастью, попали у берегов Индии в штить, продолжавшийся трое суток. Корабельного журнала у меня под рукой нет, и припомнить долго и широту я не смогу. О нашем положении могу сказать

лишь в самых общих словах: течением нас несло к суше, когда же опять поднялся ветер, через двадцать четыре часа мы достигли гавани.

Во время продолжительного штиля дисциплина на корабле (как известно всем мореплавателям) хромает. То же самое произошло и на моем корабле. Среди пассажиров нашлись люди, которым вздумалось, спустив на воду несколько небольших лодок, сесть на весла и купаться в свое удовольствие в предвечерней прохладе. После купания лодки следовало поднять обратно на борт, однако их оставили на воде: из-за жары и штиля ни офицеры, ни матросы не желали исполнять свои обязанности.

На третью ночь вахтенный на палубе не слышал и не видел ничего подозрительного, утром же выяснилось, что пропала самая маленькая лодка, а с ней — три индуса.

Если эти люди украли лодку с наступлением сумерек (в чем я ни минуты не сомневаюсь), то теперь от берега мы находились так близко, что не имело никакого смысла, когда наутро лодки хватились, посылать за ними погоню. Уверен, воспользовавшись штилем, они, несмотря на усталость и неумение грести, сошли на берег еще до рассвета.

Лишь бросив якорь в бомбейском порту, я узнал, почему этим пассажирам понадобилось бежать с корабля. Мне оставалось лишь изложить местным властям то же, что излагаю здесь. Власти обвинили меня в том, что я не сумел поддержать дисциплину на борту, в связи с чем я принес свои извинения как представителям власти, так и владельцам судна, моим хозяевам.

С того времени, насколько я знаю, о трех индусах ничего слышно не было, и к тому, что здесь рассказано, добавить мне нечего.

3. Показания мистера Мертуэйта (1850)

(Из письма мистеру Браффу)

Помните ли Вы, дорогой сэръ, полудикаря, с которым Вы встретились на званом обеде в Лондоне осенью 1848 года? Позвольте же напомнить Вам, что человека этого зовут Мертуэйт, и после обеда Вы имели с ним продолжительную беседу об индийском брильянте (иначе — Лунном камне) и о том, как злоумышленники пытались этой драгоценностью овладеть.

С тех пор я много путешествовал по Центральной Азии, а оттуда вернулся в места прежних моих странствий на севере и северо-западе Индии. Недели две назад я очутился в округе или провинции Каттивар, европейцам мало известной.

И тут со мной случилось происшествие, которое (в это трудно поверить!) может Вас заинтересовать.

В диких областях Каттивара (а насколько они дики, вы поймете, если я скажу Вам, что даже землепашцы, когда работают в поле, вооружены до зубов) население фанатично предано древней индуистской религии — поклонению Бrame и Вишну. Те немногие мусульманские семьи, что разбросаны по деревням в самых глухих местах этой области, боятся взять в рот даже крохотный кусочек мяса. Их набожные индуистские соседи, не колеблясь, придадут их страшной смерти, если только они посмеют убить такое священное животное, как корова. В Каттиваре находятся два самых прославленных места паломничества индуистских богомольцев, где разжигается религиозный фанатизм народа. Это Дварка, место рождения бога Кришны, и священный город Сомнатх, разграбленный и разрушенный до основания мусульманским завоевателем Махмудом Гизни в одиннадцатом столетии.

Очугившись вновь в этих экзотических местах, я решил, что не покину Каттивара, пока не взгляну еще раз на великолепные развалины Сомнатха. Место, где я принял это решение, находилось, по моим расчетам, в трех днях пешего пути от этого священного города.

Уже в самом начале пути я заметил, что я не один: в том же направлении шли по двое, по трое и другие люди.

Тем, кто со мной заговаривал, я выдавал себя за индусабуддиста, идущего на богомолье издалека. Одет я был, как Вы догадываетесь, соответственно. Прибавьте к этому, что их язык я знаю ничуть не хуже своего собственного и что из-за смуглой кожи и худобы опознать во мне европейца не так-то просто. Вот почему эти люди, хоть и не считали меня земляком, поверили, что я уроженец их страны, родом из какой-то далекой провинции.

На второй день пути число индусов, шедших в одном направлении со мной, достигло десятков и даже сотен. На третий — это число выросло до нескольких тысяч. Цель у всех была одна — Сомнатх.

Благодаря ничтожной услуге, которую я оказал на третий день одному из богомольцев, мне удалось познакомиться с индусами высшей касты. От них я узнал, что пилигримы идут на большую религиозную церемонию на холме вблизи Сомнатха. Церемония эта была посвящена богу Луны и должна была происходить ночью.

Чем ближе приближались мы к месту празднования, тем гуще становилась толпа. Когда мы подошли к подножью холма, из-за туч вышла луна. Мои друзья-индусы пользовались какими-

то особыми привилегиями, открывавшими им доступ к святыне. Они любезно позволили мне их сопровождать: поднявшись к святыне, мы увидели, что она скрыта от нас занавесом, протянутым между двумя гигантскими деревьями. Внизу, под этими деревьями, выдавалась плоская скала, образуя нечто вроде помоста. Под этой площадкой я и остановился вместе с моими друзьями-индусами. Внизу под холмом открывалось грандиозное зрелище Человека на фоне Природы, какого мне еще видеть не доводилось. Нижние склоны холма неприметно переходили в долину, где сливались три реки. С одной стороны изящно извивались живописные воды этих рек; то открытые взору, то скрываясь за деревьями, они убегали куда-то вдаль. С другой — покоился в ночной тиши бескрайний океан. Наполните это огромное пространство десятками тысяч одетых во все белое людей, что расположились по склонам холма, в долине и по берегам извилистых рек. Осветите это безбрежное людское море кроваво-красным пламенем факелов, струящимся над несметными толпами. Вообразите ослепительный лунный свет Востока, озаряющий своим немеркнущим сиянием эту величественную картину. И тогда вы составите себе некоторое представление о том, что предстало моему взору, когда я поднялся на вершину холма.

Грустная музыка струнных инструментов и флейт вновь приковала мое внимание к занавешенной святыне.

Я повернулся и увидел на помосте трех человек. В одном из них, стоявшем посередине, я узнал того, с кем разговаривал в Англии, когда индусы появились на террасе дома леди Вериндер. Двое других были его сподвижниками — и тогда и теперь.

Индус — он стоял со мной рядом — заметил, как я вздрогнул, и шепотом объяснил мне, кто были эти трое, поднявшиеся на помост.

Это были брамины, сказал он, преступившие законы касты ради служения богу. Бог повелел, чтобы они очистились паломничеством. В ту ночь эти трое должны были расстаться. Им предстояло, разойдясь по трем дорогам, совершить паломничество в священные места Индии. Никогда более не увидеть им лиц друг друга. Никогда более не отдыхать им в своих странствиях с того дня, когда они пустятся в путь, и до того дня, когда они встретят свою смерть.

Стоило ему прошептать мне эти слова, как грустная музыка смолкла. Трое браминов расprostерлись перед занавесом, за которым скрывалась святыня. Они встали; они посмотрели друг на друга; они обнялись. А потом поодиночке спустились в толпу. Паломники в мертвой тишине перед ними рас-

ступились. Я видел, как толпа в одно мгновение раздалась в трех разных направлениях. Белая масса людей раздалась, а затем вновь сомкнулась. След приговоренных к скитанию изгладился. И более мы их не видели.

Из-за занавеса полилась теперь другая музыка — громкая и ликующая. Толпа содрогнулась и сомкнулась еще тесней.

Занавес, натянутый между деревьями, раздвинулся, и святыня предстала перед нами.

Возвышаясь на троне, сидя на неизменной своей антилопе с четырьмя распростертыми к четырем сторонам света руками, восседал высоко над нами мрачный и грозный в мистическом свете небес — бог Луны. И во лбу божества сиял желтый брильянт, чья несравненная красота явилась мне в Англии на женском платье!

Да! По истечении восьми столетий Лунный камень вновь засиял над стенами священного города, где начиналась его история. Как он вернулся на свою дикую родину, как индусы — по случайности ли, преступным ли путем — вновь овладели своей священной реликвией, мне — в отличие от Вас — знать не дано. Вы потеряли его из виду в Англии и теперь — если я хоть что-то смыслю в этом народе, — лишились его навсегда.

Идут годы; они проходят, сменяя друг друга. Одни и те же события повторяются во Времени. Какие еще приключения выпадут на долю Лунного камня? Кто знает?